

Энтони Бруно

Плохая кровь

Майк Тоцци и Катберт Гиббонс

Энтони Бруно
Плохая кровь

1989

Бруно Э.

Плохая кровь / Э. Бруно — 1989 — (Майк Тоцци и Катберт Гиббонс)

Расследуя жестокое двойное убийство, агенты ФБР Тоцци и Гиббонс выходят на след коалиции американской мафии и японской якудзы, промышляющей работорговлей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Энтони Бруно

Плохая кровь

Глава 1

Оранжевый «фольксваген-жук» вынырнул из предрассветного тумана и запрыгал по ветхому и неровному настилу выдавшего виды пирса. Следом ехал черный «кадиллак-девилль» 1960 года, а за ним – лимузин «Мерседес-SEZ» серо-стального цвета: рыбка, рыба и рыба. «Жук» остановился в нескольких футах от конца пирса, «кадиллак» – футах в двадцати за «жуком», лимузин ткнулся носом в угрожающе мощный откидной задний борт «кадиллака». Так они выстроились словно бы для проверки – мотор «фольксвагена» с воздушным охлаждением хрипло клочкотал, мотор «кадиллака» тихо жужжал, а мотор «мерседеса» издавал едва слышное, но настойчивое шипение.

Человек за рулем «кадиллака», Кацуми Нагаи, выключил мотор, устало пригладил волосы и уронил руки на руль. Паршивая рань для такого дерьмового дела. Он перегнулся через сиденье из черной потрескавшейся кожи и уставился на широкую спину Масиро, который как раз наклонился, чтобы снять башмаки и носки. Аккуратно свернув носки, Масиро положил их в черные, на шнурках, туфли и все вместе засунул под сиденье. Нагаи глаз с него не сводил. После всех этих лет он никак не мог привыкнуть к Масиро – то и дело замирал в изумлении. Сидя на корточках, без всякого выражения на лице, Масиро потянулся за мечом в ножнах, что лежал на заднем сиденье, и пристроил его к себе на колени. Потом взглянул на Нагаи, ожидая команды от господина. Нагаи воззрился на длинный изогнутый катана, основное оружие самурая, потом глянул Масиро в глаза и устало кивнул. Тот наклонил голову быстро, но почтительно и выбрался наружу. Пока Масиро обходил вокруг автомобиля, Нагаи спросил себя, о чем этот человек сейчас думает, если думает вообще.

Нагаи следил, как Масиро обнажил меч и положил черные кожаные ножны на крышу автомобиля. Потом зашагал к «фольксвагену» – прямая спина, меч у пояса – и приказал тем двоим, что сидели внутри, выключить мотор и выбираться наружу.

Парочка не двинулась, с места. Нагаи открыл отделение для перчаток и вытащил оттуда маленький автоматический пистолет. Потом нажал на кнопку, опустил боковое стекло, высунул левую руку и выстрелил по «фольксвагену». Звук раскатился над рекой, особенно резкий в холодном неподвижном воздухе. Девушка опять начала всхлипывать. Нагаи мог наблюдать, как голова ее покачивается – вверх-вниз, вверх-вниз. Он облокотился о дверь и выставил пистолет так, чтобы тем было видно.

– Живее, – рявкнул Масиро по-японски, с грубым осакским акцентом. Пара молодых японцев, он и она, стали неохотно вылезать из машины – как маленькие зверьки, которых силой выгоняют из временного, ненадежного укрытия. Наконец они встали перед Масиро, во взгляде которого не было ни ненависти, ни сострадания. Девушка прикрывала рот рукой. Масиро внезапно поднял свой меч, зажав его в кулаке, как копьё, и воткнул со всего размаху в трухлявый верх самой близкой сваи. Меч стал вертикально, сверкая в серых предрассветных сумерках, чуть-чуть покачиваясь, такой же твердый и неумолимый, как и его владелец.

Верное мое чудище, подумал Нагаи. Потом посмотрел в переднее зеркальце, ощущая тяжесть и медлительность во всем теле, вылез из машины и двинулся к задней дверце лимузина. Дожидаясь, пока дверца откроется, уставился на свое отражение в затемненном стекле. Лицо слишком грустное, слишком изможденное, подумал он, и в волосах пробивается седина. Хотелось бы выглядеть, как Масиро – несокрушимым, опасным, каменнолицым. А ведь

Масиро даже старше его на два года. Когда заднее боковое стекло заскользило вниз, он постарался сменить выражение, стать посуровее, специально для босса.

– Доброе утро, Нагаи, – произнес старик с заднего сиденья, не поднимая глаз. Он осторожно снимал крышечку с бумажного стаканчика с кофе, стараясь держать его подальше от своего темного шелкового костюма, сшитого в Гонконге.

– Доброе утро, господин Хамабути, – ответил Нагаи с почтительным поклоном. Он вспомнил внезапно, как приносил Хамабути утренний чай – тогда, в Токио, когда жил в доме у босса и учился чтить его как отца и подчиняться беспрекословно. Как давно это было. Затылок тупо заныл, стоило вспомнить, какой оборот приняла его жизнь – не будь он там, в Японии, столь безрассудным, сидел бы он сейчас спокойноенько дома и содержал собственный ночной клуб на Гиндзе. Но это не выгорело. За ошибки надо платить.

Старик подул на горячий кофе, повернулся к боковому затемненному стеклу и стал смотреть на дрожащую парочку, стоявшую перед Масиро. Лоб его нахмурился, на лице появилось вопросительное выражение. Он, казалось, пристально изучал молодых людей. Нагаи хорошо знал этот взгляд. За ним всегда следовала одна из проповедей Хамабути. Старик не спеша поднял стакан, осторожно поднес его ко рту.

«Не сегодня, пожалуйста», – взмолился Нагаи про себя.

Хамабути внезапно заглянул ему прямо в глаза.

Вот, начинается.

– Как ты полагаешь, Нагаи, оплакивает ли девушка утраченную честь или свою несчастную судьбу? – спросил Хамабути, загадочно улыбаясь. Улыбка эта – хорошо продуманный трюк, она вырабатывалась годами. Американцы ждут от тебя таких восточных шуток, признался однажды босс.

Нагаи повернулся и посмотрел на пару: девушка тихонько всхлипывала, уткнувшись в плечо своего друга, а парень безуспешно пытался поймать взгляд Масиро. Нагаи не чувствовал жалости к ним. Ребята подписали контракт и нарушили его. За ошибки надо платить.

– Полагаю, она оплакивает утраченную честь. – Нагаи знал, какого ответа от него ожидают.

Хамабути опустил стакан и едва заметно покачал головой.

– Не думаю. В наше время только старики заботятся о чести. Старики вроде меня и мистера Антонелли.

Ну вот, началось: старая песня про времена оккупации, про черный рынок в Кобэ, про умного американского капрала, который знал что почем. Великий Антонелли.

– Я забочусь о моей чести, – произнес Нагаи значительно, надеясь прервать поток воспоминаний. – Я хотел бы смыть с себя пятно позора.

– Знаю, знаю. – Хамабути отпил еще кофе. – Я не забыл о своем обещании. Если здесь, в Америке, ты добьешься успеха, все будет хорошо.

Нагаи тактично кивнул, пытаясь удержать в памяти смутные образы трех ребяташек, что остались там, в Японии. Милочке Хацу сейчас одиннадцать – на будущий год ей уже будут нравиться мальчики. Кэндзи – восемь; вот, должно быть, сорванец. А малышка осенью пойдет в школу. Невероятно.

– Скажи-ка мне, Нагаи, как у тебя дела с Д'Урсо?

– С кем?

– С Д'Урсо. Как у тебя с ним дела? Я спрашиваю потому, что преданность этого человека внушает мне некоторые сомнения: он, кажется, себе на уме. Никогда не думал, что мафия способна допустить в свои ряды такую яркую индивидуальность.

Нагаи подумал, не в его ли огород опять этот камушек. Что ж, вполне возможно.

– Д'Урсо наглец, но дело свое делает. До сих пор у нас не было неприятностей с законом, его спрос самым благоприятным образом превышает наше предложение.

Старик взглянул на него исподлобья.

– А ты делаешь свое дело?

Нагаи кивнул.

– Товар всегда доставляется вовремя, клиенты не жалуются. Число отказчиков и беглых сведено к минимуму благодаря Масиро и тем людям, которых вы нам послали. За последний месяц – всего четверо, включая этих двоих. – Нагаи улыбнулся своему человеку, который неподвижно стоял на краю пирса перед испуганной парочкой. – Его они боятся хуже смерти.

– Ах да... самурай. Годзо Масиро, так, кажется? – вымолвил Хамабути, потирая бровь. – По слухам, очень преданный человек.

– Преданней не бывает.

– Дай-то Бог, чтобы он не разочаровал тебя, – Хамабути поднял глаза.

Нагаи оперся б крышу лимузина рукой, в которой был зажат пистолет, и поглядел на обрубок мизинца. Давай-давай, попрекни еще.

Хамабути высморкался в бумажную салфетку, скомкал ее и сунул в мешок.

– Ладно, не будем об этом, – сказал он. – Здесь ты, кажется, хорошо справляешься со своей задачей. Я рад, Нагаи.

– Спасибо, господин Хамабути. – Но когда же, будь оно все неладно, сможет он вернуться в Японию?

Но вот лицо старика исчезло за темным стеклом, и лимузин потихоньку заскользил назад, в прибрежный туман. Хамабути – «возникший из черных туманов». Он является и исчезает без предупреждения – никто никогда не знает, на каком континенте его искать. Нагаи давно уже понял, что бесполезно следить за передвижениями босса, нечего даже и пытаться. «Я хочу, чтобы вы всегда действовали так, будто я в трех шагах за вашей спиной, – твердил старик своим людям, – ведь вам ничего не известно. Я и в самом деле могу оказаться там».

Нагаи отошел прочь от лимузина и увидел, как в темном стекле «мерседеса» отражается восходящее солнце – оно пробивалось между небоскребами Уолл-стрит на другом берегу реки. Он отвернулся от слепящего блеска и взглянул на Масиро, который давно уже на него смотрел. Нагаи кивнул, махнув рукой, в которой все еще был зажат пистолет, и зашагал к своей машине. Он очень устал. Пора с этим кончать.

Масиро поклонился господину, потом снова повернулся к молодым людям и развел их в разные стороны. Они стояли, скосив глаза на сверкающий меч, а Масиро сделал шаг назад и оказался прямо перед парнем. Нагаи услышал, как взвизгнули тормоза отъезжающего лимузина.

Внезапный сильный удар – Масиро подпрыгнул на одной ноге, занеся другую высоко вверх, и пяткой стукнул паренька по шее – был сам по себе совершенно беззвучен, насколько Нагаи мог судить. Предсмертный хрип, падение уже безжизненного тела на деревянный настил – но это уже полсекунды спустя. Только жертва может услышать короткий треск сломанных позвонков – так говорил Масиро. Почти совсем без боли. Нагаи покачал головой. Какая разница? Умирать так умирать.

Нагаи смотрел на девушку, до которой дошел наконец весь ужас происходящего, – она склонилась над телом возлюбленного, протянула руки, но не коснулась его, застыв на месте с искаженным лицом, растопыренными пальцами, ртом, раскрывшимся в немом вопле. Такое впечатление, будто она играла в теннис и собиралась отбить мощную подачу. Нагаи подумал о дочери и вздохнул. Заслонив глаза от солнца, он воззрился на впечатляющие силуэты Манхэттена. Условия контракта, дорогуша, следует соблюдать.

Тело девушки с гулким стуком рухнуло на пирс. Масиро тут же подтащил тело юноши и водрузил его сверху на девицу лицом к лицу. Парень уткнулся лицом ей в грудь, сама же она смотрела в небо, и рот ее был открыт. Казалось, она вот-вот достигнет оргазма. И тогда Масиро потянулся за сверкающим катана. Нагаи отвел глаза. Вряд ли его желудок такое выдержит.

Вместо того он глядел на серебристые волны Гудзона и уносился в мечтах далеко-далеко. Он услышал свист клинка, ощутил, как дрогнул настил под ногами, но так и не обернулся. Сосредоточившись на тихом, баюкающем плеске реки о нижние сваи, он вновь с тоской думал о доме.

Через минуту он услышал, как закапала кровь. Непрестанная капель, быстро превратившаяся в тяжелый неровный плеск, – это кровь выливалась в реку. Нагаи посмотрел вниз. Темные струи равномерно просачивались из-под пирса – движущееся пятно на спокойных зеленовато-коричневых волнах. Он взглянул на Масиро – тот аккуратно вытирал клинок. Самурай поклонился. Нагаи показалось, что на губах его мелькнула улыбка. Может быть... нет, скорее всего нет.

Теперь он уже не мог не смотреть. Темно-розовые внутренности валялись возле переплетенных друг с другом тел. Лицо девушки было забрызгано кровью. Нагаи отвернулся и схватился за дверцу автомобиля.

– Избавься от них, Масиро. Да поскорее.

– Хай.

Глава 2

Полицейский в мокрой одежде пару раз со всей силы дернул за канат и поплыл к катеру. Уцепившись за планшир одной рукой, второй, свободной, он подал сигнал крановщику. Блоки крана неспешно завертелись, натягивая провисший канат. Мотор заурчал, и через секунду хромированный бампер появился из воды, радужный от нефтяных разводов. Хотя подъем и шел медленно, вода из малолитражки выливалась такими потоками, что полицейский катер закачался. Крановщик – седой краснорожий тип в салатного цвета шапочке с трилистником на козырьке – приподнял оранжевый «фольксваген» на несколько футов над водой; с машины все еще капало. Сотрудники городской транспортной службы сновали вокруг, как муравьи. Паромы копились в порту всю вторую половину дня – им оставалась только одна пристань, и теперь обитатели Стэйтен-Айленда начали проявлять беспокойство.

Гиббонс бросил взгляд на публику, приклеившуюся к поручню парома у соседней пристани: каждый сворачивал себе шею, стараясь хоть одним глазком взглянуть на «фольксваген», и все совершенно осатанели от долгого ожидания. Гиббонс заломил шляпу назад и ослабил, показывая все свои зубы. Потом совсем снял шляпу и пригладил то, что еще оставалось от шевелюры. Какого черта им еще надо за четвертак, а?

Гиббонс отошел в сторонку и прищурился от солнца, ослепительно сверкавшего в остатках ветрового стекла «фольксвагена». Пришлось опять надеть солнцезащитные очки. Бабье лето вернулось с намерением поквитаться, но Гиббонс не обращал на жару ровно никакого внимания. Он никогда не снимал пиджака, не расстегивал воротничка, нигде не появлялся без галстука. Это было старое правило ФБР, действовавшее со времен Дж. Эдгара Гувера, и Гиббонс так долго следовал ему, что одеваться так, и только так, вошло у него в привычку.

Нравы с тех пор стали несколько раскованнее, и нигде не оговаривалось, что специальный агент не может расстегнуть воротничок, если ему невмоготу, однако Гиббонсу это просто не приходило в голову.

– Лейтенант! Лейтенант Элам! – Какой-то начальник выделился из толпы суетящихся чиновников транспортной службы и попытался привлечь внимание дежурного офицера, окликнув его из-за желтой ленты полицейского ограждения, а пресловутый Элам реагировал единственно возможным в данных обстоятельствах образом. Просто не замечал поганца. – Лейтенант! Сотрудники мэрии заверили меня, что эта пристань поступит в наше распоряжение в самое ближайшее время.

Парень говорил с Эламом довольно-таки раздраженным тоном, что было весьма дерзко со стороны типа, который выглядел ни дать ни взять как метрдотель. Тайрон Элам был ростом шесть футов восемь дюймов и когда-то играл в баскетбол за команду своего университета. Или штата Мичиган – Гиббонс уже не помнил. И кажется, один сезон играл в профессиональной лиге. Он всегда напоминал Гиббонсу Уиллиса Рида, который был центровым у «Никс» в те времена, когда Нью-Йорк еще умел выигрывать. Никто не умел так скандалить на площадке, как Рид. Ни до, ни после. Двести сорок фунтов кошмара. Элам выглядел точно так же. Ни один белый добровольно с таким спорить не будет.

Поставив ногу на бампер патрульной машины, Элам постукивал карандашом по исписанному блокноту, пристроенному на колене, и разговаривал с сержантом в полицейской форме. Казалось, будто он занят какими-то своими полицейскими делами, но в действительности Элам желал только одного: чтобы этот транспортный лягушонок провалился куда-нибудь подальше, пока он еще не схватил его за шкирку и не зашвырнул в воду.

«Метрдотель», однако, не отступал. Он расстегнул пиджак, нырнул под желтую ленту и оказался за полицейским-ограждением. Парень не робкого десятка.

– Лейтенант, мне надоели ваши грубые...

Элам повернул голову и уставился на парня взглядом, от которого тот заткнулся tout de suite.¹ Взгляд неторопливый и острый, один из тех взглядов, что бывает у дракончиков комодо, когда те чувствуют добычу. Гиббонс вспомнил документальный фильм о гигантских плотоядных ящерицах Малайзии, который смотрел как-то по 13-му каналу. Именно так Элам сейчас и выглядел. Гиббонс ослабил по-крокодилу.

Элам выпрямился и уперся взглядом прямо в шрамы от пересадки волос, видневшиеся среди довольно-таки лысого скальпа «метрдетеля».

– Мистер Шапиро, – произнес он с угрожающей невозмутимостью, – вам ведь уже объяснили, что это дело вне компетенции полиции, и мы ничего не можем решить до прибытия федеральных властей.

– Но...

– Никаких «но», мистер Шапиро. Здесь было совершено преступление федерального масштаба, и в мои обязанности входит охранять место происшествия, пока сюда не явится ФБР. Такие вот дела. Carisce,² мистер Шапиро?

Тут Гиббонс решил, что самое время вмешаться.

– Гиббонс, ФБР, – буркнул он, подходя поближе и вытаскивая удостоверение. – Кто тут дежурный офицер?

– Я, – отозвался Элам.

– А вы кто такой? – осведомился Гиббонс, оборотив к Шапиро лик злобного ацтекского божества.

– Эддисон Шапиро, заместитель председателя комиссии по городскому транспорту, водные перевозки...

– Вы позволили ему находиться здесь? – спросил Гиббонс у Элама.

– Нет.

– Проход за линию полицейского ограждения и нахождение на месте преступления федерального масштаба является нарушением федеральных законов. Будьте добры удалиться. – Гиббонс ткнул большим пальцем в желтую ленту.

Шапиро немедленно поднырнул под нее. Он старался втолковать что-то Гиббонсу из-за ограждения, но Гиббонс не стал слушать и отвернулся.

– Это правда – насчет нарушения федеральных законов? – спросил Элам и снова водрузил ножищу на крыло патрульной машины.

– Возможно, – ответил Гиббонс, затем повернулся к «фольксвагену», с которого все еще текло. – Ну, что тут такое? Дневной улов?

Элам улыбнулся, обнаружив щербинку между передними зубами.

– Что бы там ни было, Гиб, это все ваше.

Гиббонс сложил руки на груди и покачал головой.

– Так вы, ребята, за убийства больше не беретесь? Как это говорили в гнусные старые времена насчет «ленивых и неповоротливых»?

– Ты, Гиб, поганый расист, я это и так знаю, можешь не продолжать.

Гиббонс сладенько ухмыльнулся.

– Элам, я тебя тоже очень люблю. Так что давай выкладывай, зачем я сюда приперся.

Элам перевернул несколько листов блокнота.

– Сегодня около двух часов дня по телефону 911 начали поступать звонки относительно неопознанного предмета, плавающего около пирса. Видна была только крыша и часть ветрового стекла. Одна баба заявила, что этодохлый кит.

– Оранжевый?

¹ Мгновенно (фр.)

² Понятно (ит.)

– Она сама крашеная блондинка, – сообщил Элам, пожав плечами.

– Так кто же тут у нас расист?

Элам выкатил глаза на Гиббонса, потом перевернул страничку и продолжил:

– Обратились в управление порта и сюда отправили водолаза. Водолаз доложил, что дверцы машины закрыты, а на переднем сиденье – два трупа.

Элам взглянул на Гиббонса, ожидая реакции. Но лицо Гиббонса оставалось непроницаемым. Сначала подробности.

Элам продолжал листать рапорт.

– Убийца, видимо, не знал, что «фольксвагены-жуки» водонепроницаемы. Вряд ли ему хотелось, чтобы эта штука всплыла. Так или иначе, ребята из портового управления пригнали его к этой пристани. Сказали, что здесь будет легче вытащить. С три короба наплели. Сказали, что к часу пик управятся. Но только начали поднимать – передняя ось треснула. Слишком быстро тянули. Так, по крайней мере, объяснил крановщик. Ветровое стекло разбилось, и машина стала тонуть. Тогда они сказали, что теперь эту чертову штуковину будут тащить всю ночь, и тут я приказал извлечь трупы.

– Какого хрена ты это сделал?

– Чтобы рыбки не съели.

Гиббонс покачал головой и презрительно хмыкнул.

– Какие рыбки – акулы?

– В Нью-Йорке все возможно, приятель.

– Ну-ну. Вот это мне нравится. Сначала вы сваливаете это шило в заднице на ФБР, а потом заявляете, что упустили все улики, которые мы могли бы найти. Наши парни из лаборатории в Вашингтоне тебе, Элам, за это цветов не пошлют.

– Округ дал добро на то, чтобы извлекли тела. С ними и разбирайся.

– Давай-давай, вали с больной головы на здоровую. Это вы умеете. – Гиббонс приподнял солнцезащитные очки. – Но я так и не понял, зачем вы нас позвали. Это не федеральное преступление.

– Ну, не прыгай из штанов. Сейчас объясню. – Лейтенант Элам перевернул еще страничку. – Если ты присмотришься повнимательнее, Гиб, то увидишь, что на машине – номера штата Нью-Джерси. Она приплыла в Манхэттен из Джерси, там, видимо, этих ребят и убили. Значит, здесь задействованы два штата, а следовательно, сам знаешь, Гиб, дело ваше. – Элам потер переносицу и весь затрясся от смеха.

– Ты сдавал на анализ воду ИЗ мотора? Можешь доказать, что она из Джерси?

Лейтенант просто пожал плечами – не мое, мол, дело, старина.

– Ну ладно, раз уж я тут, – изрек Гиббонс, – я это вам раскручу, пожалуй. Где тела?

Усмешка исчезла с лица Элама при упоминании о телах.

– Судебные медики сделали предварительное заключение и отправили их в морг. Совсем недавно.

– И что?

– Ничего хорошего. – Элам глубоко вздохнул и уткнулся в свои записи. – Жертвы – мужчина и женщина. Азиаты. Истинная причина смерти пока не установлена. – Элам поднял глаза от блокнота. – Но если бы ты увидел их, то без труда бы догадался.

Гиббонс прищурился.

– Что ты имеешь в виду?

Элам почесал ухо.

– Они были разрублены почти пополам. По самой середке. Но не топором. Я имею в виду – не так, как это делает мужик, который хочет распихать жену по мусорным пакетам и выкинуть ее на свалку. Раны тут совсем другие. Они... ну, чище, что ли.

Гиббонс попытался представить себе, о чем говорит Элам, но на память пришли только большие куски мяса в супермаркете «Райт».

– Как это «чище»? Что ты имеешь в виду?

– Как мне показалось, убийца пытался разрезать их пополам. У мужчины рана с левой стороны. Проходит через позвоночник.

У женщины – справа. Не такая глубокая. Санитары из морга потратили уйму времени, чтобы вытащить их из машины целиком. А судебный эксперт сказал мне, что не удивится, если каких-то органов и не хватает. Остались в воде. Так что представь себе, какие это были раны. Но, как я уже сказал тебе, Гиб, самое странное в том, что раны эти чистые, аккуратные. Не рубленые, не пиленные, насколько я мог судить. Разрезы – вот как бы я их назвал. Никогда не видал таких ран на трупах. Разрезы чистые, глубокие.

Гиббонс снял очки и подождал, пока желудок успокоится. Грудинка, съеденная на завтрак, поднялась к горлу.

– Разрезы, говоришь? Значит, советуешь проверить всех мясников в штате Джерси?

Элам медленно покачал головой.

– Ну и толстокожий же ты! Ничем тебя не проймешь. Все-то ты уже видел, а?

– Чего ты от меня хочешь? Чтобы я достал платок и немножко поплакал? Когда я устраивался в Бюро и читал перечень служебных обязанностей, сочувствие к жертвам там, помнится, не значилось. Пустая трата времени. Мое дело – найти ублюдков, которые творят такие пакости, чтобы им впредь неповадно было. Тебя устраивает? – Боль камнем легла на живот. Пропади оно все пропадом.

Элам выпрямился, сунул руки в карманы и пристально поглядел на ветерана.

– Таких, как ты, уже нету... и слава Богу.

Гиббонс нахмурился.

– Хватит мне зубы заговаривать, Элам. Ты ведь уже спихнул на нас это дело. И пусть теперь у тебя голова не болит. Гуляй и радуйся жизни.

– Хотел бы я взглянуть на твою ежегодную аттестацию. Что твой начальник ставит в графе «Отношение к коллегам»? «Потрясное»?

Гиббонс решил не затруднять себя ответом. Вместо этого всмотрелся в свисающий с каната оранжевый «фольксваген», пытаясь представить себе, каким оружием или приспособлением могли быть произведены те самые «разрезы», задаваясь вопросом, какого черта убийце нужно было так утруждать себя, если основной его целью было именно убить? Если, конечно, предположить, что это было его единственной целью.

– Были на телах следы насилия?

Элам покачал головой.

– Нет – во всяком случае, на первый взгляд.

– Известно, кто они такие? Хотя бы предположительно?

Элам снова покачал головой.

– На трупах не было ничего, что помогло бы установить личность. Ни бумажников, ни денег, ни ключей – только разный хлам.

– Сверялись со списком пропавших без вести?

– Нет. Не наше дело, приятель. Это теперь твоя забота. Гиббонс покачал головой и отвел глаза.

– Греет душу страстная любовь нью-йоркской полиции к Федеральному бюро. – Никто и не ожидал, впрочем, чтобы полицейский стал из кожи вон лезть, дабы помочь федеральному агенту. Неписаное правило для всех полицейских участков от моря до моря: «Нагадь федералу где только можешь».

Заурчал мотор подъемного крана, и «фольксваген» стал медленно подниматься. Когда «жук» наконец встал на все свои колеса, Гиббонс вытащил блокнот и подошел посмотреть.

Первым делом он записал номер. Потом заглянул через боковое окошко, осмотрел место водителя, передние сиденья, задние...

В стекле виднелось отражение Элама, маячившего позади.

– Ну и что ты там видишь, Гиб?

– Мокрую машину, лейтенант.

Элам кивнул, сделав губки бантиком.

– Именно таких откровений и ждешь от зрелого следовательского таланта. Теперь понятно, почему тебя вытащили обратно в ФБР, хотя ты и вышел в отставку.

– А кто тебе сказал, что меня вытащили обратно и что я уходил в отставку? – Гиббонс обошел машину и осмотрел переднее сиденье с другой стороны.

Элам сунул руки в карманы и вскинул голову.

– Ну, знаешь, Гиб, слухами земля полнится.

Гиббонс вырвал чистый лист из блокнота и взялся им за ручку дверцы, чтобы не оставить своих отпечатков.

– Какими слухами? – спросил он. – Давай поделись.

– Говорят, что тебя призвали обратно в Бюро, чтобы выловить одного вашего парня из Манхэттенского оперативного управления – он вроде переметнулся.

Гиббонс просунул голову в машину и заглянул под щиток, потом проверил рычаг переключения передач. Конечно, в среднем положении – так и должно быть. Трупы не сами съехали в реку. Их туда столкнули.

– Насколько я слышал. Гиб, тот придурок решил перестрелять всех тех скверных парней, которых сам и засадил в тюрьму до того, как спятил. Судья, присяжные и палач – все в одном лице.

– Ты это по телеку видел, а, Элам? – буркнул Гиббонс из-под щитка. Откуда, прах его раздери, мог он узнать о Тоцци?

– А ты вроде хорошо знал этого парня – где он живет, его привычки и все такое. Ну и решили, что ты единственный, кто может его остановить, пока он не натворил чего-нибудь еще. Так это было или нет, а, Гиб?

Кто-нибудь из оперативного управления мог, наверное, сопоставить факты и вообразить себе, что Тоцци переметнулся, хотя Иверс и утверждал, будто держит дело под контролем. Может, наш дорогой начальник трепанул кому-нибудь из своих друзей-законников, изобразив всю историю как пример своего мудрого руководства? Этот сукин сын на все способен.

– Ну ладно, Гиб, мне-то ты можешь рассказать. Ты Великий Белый Охотник На Перебежчиков – так или нет?

Гиббонс выпрямился и взглянул на Элама через крышу «фольксвагена».

– Не знаю, что за чушь ты тут плетешь. Однако же складно. Можешь книжку написать.

Элам усмехнулся, сверкнув крупными белыми зубами.

– Да, Гиб, пожалуй, я так и сделаю.

– Слушай, Элам, можно тебя спросить?

– Валяй.

– Ведь ты играл за Мичиган, так?

– За штат Мичиган. Центровым и полузащитником. В первый мой год мы играли с Индианой за кубок Большой десятки. – Лейтенант явно гордился своим прошлым.

– И в профессиональных командах ты выступал, да?

– Да, но недолго. У меня был контракт с «Баллетс», однако сыграл я с ними всего пару матчей.

– А что так?

– Мне бы и хотелось там закрепиться, приятель, но у меня слабые коленные чашечки.

– Коленные чашечки?! – Гиббонс смерил Элама взглядом – крыша «жука» доходила ему едва до пояса. У Уиллиса Рида слабые коленные чашечки. Не становитесь на его пути.

Гиббонс еще раз осмотрел задние сиденья «фольксвагена». Пятен крови не было – речные воды отмыли виниловое покрытие. Он закрыл дверцу и схватился за ноющий живот, думая, что убийца, должно быть, чертов дерьмовый коротышка.

Глава 3

Джон Д'Урсо смотрел, как его босс. Кармине Антонелли, разливает кофе в две чашечки, и спрашивал себя, как же сегодня это подать, надеясь, что все-таки можно будет убедить старика. Ведь идея замечательная, будь она неладна, – настоящая золотая жила. Она возникла в самую первую ночь – летом, когда Нагаи взял его с собой в бордель якудза, на Шестьдесят шестой улице, в тот самый, который Хамабути держал специально для японских бизнесменов. С той самой ночи он не переставал думать о возможностях, о перспективах, об этих невероятных девушках.

Девушку, с которой он был этой ночью, никак не получалось забыть. Говоря по правде, той ночью он был не слишком-то на высоте, но она все это быстро переменяла. Будто у нее был специальный подъемник. Он никогда и представить себе не мог, чтобы эти робкие, тихие, маленькие существа могли быть такими сексуальными, такими податливыми, прекрасными до невероятия. И насколько он мог теперь судить, они все были такие – ходячие чудеса, все, все до единой. Сомнений нет: он должен набрать японочек и завести свой собственный бордель. Все, что нужно для этого, – чтобы Антонелли дал добро. Больше ничего не требовалось. Антонелли – упрямый старый ублюдок, но ведь бывают же и у него минуты просветления. Если бы у старого козла осталось хоть немного силы, чтобы трахнуть японскую проституточку, он бы упираться не стал. Правда, Антонелли уже сказал «нет», но, если ловко повести игру, можно переубедить старикана. Веди игру ловко, и на этот раз он согласится. Конечно – а почему бы и нет?

– Красивый костюм, Джон, – сказал Антонелли, не поднимая головы. – Бросается в глаза. – Он поставил чашку и блюдо перед Д'Урсо.

Д'Урсо знал, что на самом деле имел в виду старик. Он не любил светиться, никогда не любил. Нужно держаться в тени, говорил он, всегда в тени. Вечно эта чертова тень. Сшитый по мерке, из чистого итальянского шелка костюм за три куска – и это называется «бросаться в глаза». Боже Всевышний.

Антонелли аккуратно протер тоненьким ломтиком лимонной кожуры края своей чашки. Его костлявые, сморщенные руки напоминали Д'Урсо руки злой королевы из «Белоснежки и семи гномов», когда она превращается в ведьму и протягивает Белоснежке отравленное яблочко.

Д'Урсо ждал, пока старый саро ді сарі заговорит первым. Считалось крайне непочтительным торопить босса, пусть даже старый маразматик битую неделю будет размешивать крошечную ложечку сахара в своем чертовом кофе. Д'Урсо оглянулся на Винсента, сидящего за стойкой и спокойно прихлебывающего из своей чашечки. Винсент тоже посмотрел на него без всякого выражения – ни дать ни взять горилла. Винсент, конечно, не согласится с тем, что старик уже выжил из ума и не в состоянии больше управлять семейством. И зачем ему соглашаться? Старик хочет сделать его своим заместителем. Винсента, телохранителя, своего долбаного шофера – прости, Господи! Винсента, который держит самую дерьмовую в Бруклине банду. И пожалуйста – старик хочет сделать его своим заместителем. Невероятно!

Антонелли потянулся к тарелке, что стояла перед ним, взял ореховое печенье и разломил его пополам. Откусил кусочек и принялся медленно, тщательно пережевывать, потом сделал маленький глоток из чашечки с золотым ободком. Д'Урсо показалось, будто он попал в какую-то чертову богадельню. Он поглядел в окно, на автомобили, медленно ползущие по Малберри-стрит, затем перевел взгляд на перевернутые буквы, что красовались посреди витрины, – растрескавшаяся, золотой краской написанная вывеска гласила: КАМΠΑНИЯ, ЗАКРЫТОЕ СПОРТИВНОЕ ОБЩЕСТВО. Д'Урсо терпеть не мог приходить сюда, кланяться старику, лизать ему задницу, хвастаться крупным барышом, отстегивать его долю, хотя чертов

хрыч на самом деле и пальцем не пошевелил, чтобы ее заработать. Боже Всевышний, да ведь Антонелли и в Джерси-то ездил в последний раз, когда Никсон был президентом! Так какого черта мотаться сюда и вручать Антонелли эти хреновы пятьдесят процентов, когда ему самому остаются паршивые десять после покрытия всех расходов? Хороший вопрос. Д'Урсо молчал и глотал кофе, который казался ему хуже отравы. Он ненавидел кофе и пил его только здесь, из почтения.

– Итак, – начал Антонелли, стряхивая крошки печенья со смехотворно широких лацканов темного пиджака, – что у нас там выходит с нашими японскими друзьями? – Он в первый раз поднял глаза, и Д'Урсо поразились их ясной голубизне. Жесткий, подозрительный взгляд старика всегда заставлял его врасплох. Он как-то не вязался со всем его обликом.

– Все хорошо, мистер Антонелли. Очень хорошо. – Д'Урсо услышал свой подобострастный тон, и ему стало противно. Ощущая мерзкий вкус в горле, он потянулся за дипломатом, стоящим на полу у его ног, и подал его старику. Четыреста шестьдесят восемь тысяч долларов, только что доставленные из Атлантик-Сити за его счет. За что?

Антонелли принял кожаный дипломат и передал его Винсенту – тот положил его на стойку, открыл и стал пересчитывать банкноты.

– На прошлой неделе я виделся с Хамабути, – сообщил Антонелли. – Он доволен, что доходы начинают расти. Ему никогда не нравилось, что мы расплачиваемся за товар только после получения прибыли.

Товар, надо же. Они рабы, Господи ты Боже мой. Почему не назвать их просто рабами?

– У Хамабути еще остались сомнения. Он до сих пор не верит, что американцы могут использовать принудительный труд. – Антонелли не мигая смотрел Д'Урсо прямо в глаза.

– Ну... наши клиенты понятия не имеют, что эти люди – рабы. – Старик и сам все это прекрасно знает. Он заставляет снова и снова объяснять смысл всей операции, чтобы убедиться, что ты понимаешь, с какого конца за это браться. Просто дурью мается, старый хрыч. – Мы предоставляем рабов разным нанимателям, в основном отправляем их на фабрики, но иногда и как домашнюю прислугу – служанки, повара, нянечки...

– Кто?

– Нянечки: они живут в доме у нанимателя и присматривают за его детьми. Знаете, они пользуются сейчас большим спросом. Моя жена ими занимается...

Антонелли закрыл глаза и кивком велел Д'Урсо продолжать, отчего у Д'Урсо напряглись мышцы живота. Обращается с ним, как с сопливым мальчишкой.

– Так или иначе, мы открыли два подставных агентства по трудоустройству, плюс еще то, которым заправляет моя жена. Как я уже говорил, клиенты и не подозревают, что на них работают рабы. У них даже не возникает такого вопроса; они получают то, что им надо, и по дешевке. Думаю, кто-то из них и догадывается, что здесь не все чисто, но в подробности никто не вдается, потому что себе дороже. Они говорят одно: техника у нас на грани фантастики. Утром привозим рабов на автобусе, на автобусе же и забираем в конце рабочего дня – а больше хозяева ничего и знать не желают.

Старик улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Именно это, Джон, я и рассказал Хамабути.

Д'Урсо скрипнул зубами. Двинуть бы ему пару раз по его мерзкой физиономии, этому старому ублюдку с его покровительственными замашками. Но тут он уловил, как Винсент уставился на него поверх темных очков. А у Винсента с собой всегда два пистолета.

Антонелли взял другую половинку печенья с орешками, положил ее в рот и с минуту посасывал.

– Знаешь, Джон, я спросил Хамабути, почему эти японские ребята вообще соглашаются на такую безумную сделку. Парни, девчонки восемнадцати-девятнадцати лет продают себя на три года тяжелой работы – и все ради путешествия в Америку. Может быть, я бы понял

это, уезжай они из какой-нибудь нишей и грязной дыры, но ведь Япония – богатая страна. У вас, японцев, все есть, сказал я Хамабути. Так зачем же они это делают? – спросил я его.

Д'Урсо знал зачем, но знал также, что обязан выслушать это еще раз. Из почтения.

– И что же он ответил вам, мистер Антонелли?

– Они там, в Японии, доводят своих детей до сумасшествия. Ты знаешь, что они проходят тесты, чтобы поступить в детский сад? Представляешь себе?

Д'Урсо решил было рассказать старику, что дети из богатых семей и здесь, в Нью-Йорке, проходят тесты, чтобы поступить в престижные подготовительные классы, но подумал, что не стоит и трудиться. Антонелли вечно придуривался – ему нравилось, чтобы его считали старым невеждой, приехавшим из старой страны.

– В Японии дети всю дорогу проходят тесты, а стоит один раз не справиться – тебе конец. От этого ребятки попросту свихиваются. Хамабути мне рассказывал, что некоторые проводят в школе по десять часов ежедневно, учатся по шесть, по семь дней в неделю. Но зачем? – спросил я его. Он сказал – затем, что все они хотят найти себе хорошую работу в большой компании – «Панасоник», «Сони», «Тойота», – а единственный способ добиться руководящего поста – попасть в один из престижных колледжей; но если они не наберут фантастического количества баллов по этим своим идиотским тестам, то окажутся во второразрядной школе, после которой им светит лишь паршивенькая работенка и паршивенькое жалованье; и это в стране, где несчастная чашка кофе в вагоне-ресторане стоит пять баксов. Вот почему эти дети охотно продают себя банде Хамабути.

Д'Урсо кивнул.

– Да, Фугукай. – Нужно было показать старику, что он внимательно слушает.

– Вот именно – Фугукай. Дети не выдержали вступительного экзамена в колледж. Они в отчаянии, Джон. Не знают, куда им податься. И тут появляются люди Хамабути, увлекают их сладкими речами, показывают, что у них есть еще шанс – шанс восстановить свою честь; а честь для японцев очень много значит. Фугукай обещает им поездку в Америку – страну великих возможностей. Если дети согласятся на «трехгодичную трудовую практику» – это у них так называется, – им предоставят кров, стол и оплатят проезд до Америки. А дети чувствуют себя такими подавленными, что соглашаются на все. – Тут старик щелкнул пальцами, но Д'Урсо давно уже перестал слушать.

Теперь он подумал, что настала его очередь блеснуть осведомленностью.

– И самое прекрасное в этом во всем – то, что мы не обязаны соблюдать первоначальные условия сделки этих ребят с Фугукай. Они наши до тех пор, пока мы этого хотим. Мы можем использовать этих ребят по двадцать, тридцать, сорок лет. За первые три года мы платим Хамабути, а потом кладем себе в карман от восемнадцати до двадцати кусков в год за каждого. Сейчас их в стране двенадцать сотен, еще восемнадцать сотен на подходе... – Д'Урсо вынул авторучку и быстро подсчитал на салфетке. – Три тысячи рабов по восемнадцать кусков в год... пятьдесят четыре миллиона в год на сорок лет. Не так уж плохо.

Так чего ж тебе не отстегнуть мне лакомый кусочек – ты, старый вонючий ублюдок.

Антонелли подцепил пальцем орешек, высыпавшийся из печенья, и положил его в рот. Д'Урсо смотрел, как он задумчиво жует, уставившись в окно. Начинался дождь. Старик напустил на себя такой же непроницаемый вид, как и эти чертовы япошки.

– Вряд ли они все охотно работают. Эти ребята не манекены. У тебя наверняка есть проблемы с некоторыми из них. Не может все идти так гладко.

У Д'Урсо снова напряглись мышцы живота. Он вдруг вспомнил свое детство и того священника, который устраивал ему форменный допрос в исповедальне – его, Д'Урсо, слова он в грош не ставил и все подозревал, что мальчик скрывает какой-то ужасный смертный грех.

– Этим занимаются боевики Хамабути.

– Да, якудза. Но их в самом деле достаточно, чтобы справиться со всеми этими ребятами? – Антонелли был настроен явно скептически.

– Мы полагаем, что их около сотни, но этих парней – якудза – не так-то просто вычислить. Большинство из них ведет себя тихо, и появляются они только тогда, когда нужно. Такие вот они чудики. – Д'Урсо осекся, на минуту задумался. – Я поставил скрытые видеокамеры в доках и на некоторых фабриках – так можно проследить за якудза.

Антонелли нахмурился.

– Мне это не нравится, Джон. Это знак недоверия. Хамабути – мой старый друг. Мы много помогали друг другу после войны. Он бы не допустил, чтобы его люди шпионили за нами.

Черта с два он не допустил бы.

– Прекрати слежку. Убери видеоустановки.

Д'Урсо опустил глаза и кивнул.

– Ладно.

Как же, жди дожидайся.

– Теперь вернемся к вопросу, который я задал. Верно ли, что люди Хамабути держат ребят под контролем?

– Абсолютна. В самом деле, неприятности доставляют только те, кто выполняет тяжелую работу на фабриках, и якудза разбираются с ними сразу же. Без предупреждения. Стоит кому-нибудь начать жаловаться или греть себе зад, вместо того чтобы работать, ему задают хорошую трепку. И потом, там Масиро, правая рука Нагаи. Не знаю, в чем тут дело, но стоит ему показаться, как – раз! – и все рабы в полном порядке. Я сам это видел. Он наводит на них ужас. Говорят, его обязанность – отслеживать и ловить беглецов, а их пока было немного. – Д'Урсо решил не говорить Антонелли о тех двух, которых Масиро изловил вчера. Интересно, знает ли Антонелли, какое наказание назначает его закадычный дружок Хамабути беглецам? Напрасная порча хорошего товара, как он, Д'Урсо, думает.

– Ну, я рад, что дело заладилась. Молодец, Джон, очень хорошо. – Тон Антонелли показывал, что встреча окончена и можно уходить.

– Еще одно, мистер Антонелли. – Д'Урсо глубоко вздохнул, полный надежды. – Вы не передумали насчет моей идеи о классном борделе в Атлантик-Сити? Я присмотрел хорошее местечко, рядом с казино. Можно было бы сделать что-нибудь вроде домика гейш, знаете? Все девушки – в кимоно. Знаете, многие из этих девчушек прехорошенькие, и просто жалость, что они пропадают в нянечках и всякое такое. Ведь они опытные, насколько я слышал. Большинство мужиков никогда не были в восточном борделе, и многим было бы любопытно. Думаю, мы могли бы заработать...

– Нет.

– Но...

– Я сказал «нет», и все тут. – Старик стукнул кулаком по столу, а Винсент развернулся и поставил ноги на пол, готовый к действию. – Я ведь уже говорил тебе, что это слишком рискованно, так можно засветиться. И потом, Хамабути отбирает красивых девушек для своего собственного борделя здесь, в городе.

– Но, мистер Антонелли, мы ведь могли бы сорвать большой куш...

– Ты же не дурак, Джон. Подумай. Полицейские тоже ходят в бордели. Что, если какая-нибудь девушка проболтается не тому мужику? Что тогда?

– Мы могли бы следить...

– Как? Не пойдешь же ты с ними в постель? Убедиться, что они не болтают? – Взгляд у старика стал совсем бешеный.

Руки Д'Урсо, спрятанные под столом, дрожали – он совсем осатанел. Скрипнул зубами, крепко прикусил язык. Треснул бы ты, старый придурок. Треснул бы совсем. Я бы уже давно организовал этот бордель. Мы бы уже полтора месяца были в деле, ты, старый вонючий хрыч.

– Ну как, Джон, мы теперь поняли друг друга? – Антонелли нагнулся над столом и склонил голову набок, как старый любящий дедушка. Кем же, к чертям собачьим, он воображает себя? Папой Джеппетто?

Д'Урсо бросил взгляд на Винсента.

– Да, мистер Антонелли, я понял.

– Ну; вот и славно. Чудесно. Работай, как раньше. – Теперь Антонелли явно прощался с ним.

Д'Урсо встал. Старик не глядел на него. Винсент же не спускал глаз.

– Не волнуйся, Джон, – сказал Винсент, Иными словами – иди себе восвояси.

Д'Урсо застегнул свой двубортный пиджак и направился к двери, стараясь не спешить, не создавая впечатления, будто он убегает. Будь у него с собою пушка, Бог свидетель, он бы сделал это прямо сейчас. У Луккарелли ведь получилось, думал он снова и снова. Луккарелли сделал это и остался цел. Он сделал это двадцать лет назад, но ведь сделал же все-таки.

С серого неба падал холодный дождь. Д'Урсо спешил к машине, на ходу просчитывая все свои шансы. Сколько сарі на самом деле преданы Антонелли? Если не считать Винсента, многие ли в самом деле дойдут до настоящей драки? Много, вот сколько. И все же Луккарелли сделал это с Кокосовым Джо, а тогда не так-то много ребят любили Луккарелли. Его стали уважать после того, как он сделал это. Убей босса – и ты создашь себе положение. Вот как делаются дела.

Он забрался в свой черный «Мерседес-420SEK» и увидел, как брат его жены, Бобби Франчоне, сидя за рулем, заряжает маленький автоматический пистолет, который Д'Урсо дал ему.

– Ты что, рехнулся? Кой хрен ты тут делаешь? Спрячь эту дерьмовую штуковину, пока копы не замели!

Бобби мотнул головой, откидывая с глаз тщательно завитую напомаженную прядь, ту самую прядь, которую он каждое утро с превеликим трудом начесывал именно на глаза.

– Скверная встреча, а?

Д'Урсо больше не мог сдерживаться. Он с такой силой двинул кулаком по сиденью, что вся машина закачалась. Капли дождя струились по ветровому стеклу, размывая очертания мира.

– Я держал два агентства по продаже автомобилей, строительную компанию, три ночных клуба на побережье и семь круглосуточных притонов, а он со мной обращается, будто я, прах его дери, никто. Богом клянусь, Бобби, он меня вынуждает. Я должен это сделать. Он обращается со мной несправедливо. Он стоит у меня на пути, Бобби. Другого выхода нет. Он должен уйти.

Бобби сунул пистолет в карман, поправил волосы перед передним зеркальцем и выдавил из себя поганенькую ухмылочку, которую перенял в тюрьме.

– Говорил я тебе, Джон: давно пора. Ты должен это сделать. – Он включил зажигание, и огромная машина тронулась с места.

Д'Урсо разглядывал профиль Бобби, руки его дрожали, сердце прыгало в груди.

Да... я должен это сделать.

Глава 4

Из заднего окна пустой квартиры Тоцци глядел на кучу строительного мусора во дворе. Зачуханного вида пес с длинной, свалывшейся шерстью задрал ногу над сломанной доской. Гнутые алюминиевые трубы сверкали на ярком октябрьском солнце. Желтые листья с хилого деревца, что пустило корни у покосившегося забора, падали прямо на помойку. Все дворы этого дома с обеих сторон выглядели столь же гнусно – результат недавнего ремонта. Тоцци перевел взгляд на собственное отражение в оконном стекле – темные, глубоко запавшие глаза, грустное лицо. Интересно, разгребут ли когда-нибудь этот хлам.

– Так какая, вы говорите, квартирная плата? – осведомился он, все еще не отрывая взгляда от окна.

– Восемь пятьдесят. Без отопления и горячей воды, – отвезла миссис Карлсон, агент по недвижимости. У нее был широкий зад, очки, как донышки бутылок из-под кока-колы, на губах – полустертая помада рубинового цвета, а еще – дурная привычка стоять у тебя за спиной, заламывая руки. Ни дать ни взять детектив Чарли Чен в женском прикиде.

– Ничего себе, – сказал он. – Адамс-стрит не самая шикарная часть Хобокена.

Она мило улыбнулась, показывая подпиленные зубы, явно игнорируя его замечание.

– Я вам не говорила, что в этом доме когда-то жил Фрэнк Синатра? Может быть, даже в этой самой квартире. Надо проверить.

За неделю Тоцци посетил семь квартир в Хобокене, и в пяти из них когда-то жил Фрэнк Синатра. Поистине вездесущ был старина Голубые Глазки.

– Хобокен пользуется очень большим спросом, – завела миссис Карлсон старую песню, которую Тоцци слышал от каждого агента по недвижимости, к какому ни обращался. – Все хотят жить здесь. Прекрасное сообщение с Манхэттеном, и в то же время совершенно особая атмосфера. Как маленький европейский городок – вам не кажется? Небольшие магазинчики, булочные, зеленные лавочки...

Тоцци спросил себя, во многих ли городках Европы можно встретить мясо-гриль, поджаренное на мескитовом дереве, порностудии за четверть миллиона долларов, рок-клуб, где Брюс Спрингстин снимает свои видеоклипы, и, штрафы за поджог, в несколько раз превышающие средние по стране. А в Хобокене есть это и многое другое.

Он вернулся в переднюю, где свеженатертый паркет блестел на солнце. В этой квартире не было той атмосферы Старого Света, какая ощущалась в других жилищах, которые он посещал. Но мраморные каминные доски и сундуки по углам стоят денег, а ему бы не хотелось сидеть на мели, особенно сейчас, пока еще не кончился испытательный срок. Иверсу и предложения никакого не понадобится, чтобы гадить ему всю дорогу, – теперь, после его маленькой эскапады. Конечно, вряд ли удастся втравить его во что-нибудь серьезное там, где он находится нынче, прикованный к столу в архиве, под началом недоумка Хайеса, всеобщего библиотекаря, который то ли слишком робок, то ли слишком туп, чтобы просто прийти и сказать, что ему надо, и поэтому каждый день грозит обернуться длинной и нудной игрой в вопросы и ответы.

«Отдохни, успокойся», – сказал ему Иверс. «Приди в чувство», – талдычил он со своей дерьмовой улыбочкой ласкового папаши.

Тоцци посмеялся бы, не будь сцена такой трогательной. Не так давно все, чем он владел в мире, помещалось в маленький чемоданчик: костюмы, несколько рубашек, джинсы, немного белья, носки, пара мокасин, пара высоких кроссовок, 9-миллиметровый автоматический пистолет, специальный 38-го калибра и еще один, 44-го, и к ним три коробки патронов. Вот и все. Гангстеры-боевики от мафии позаботились об остальном его бренном имуществе, разгромив квартиру его покойной тетушки, где он тогда скрывался. Одна мысль об этом повергала его в уныние. И все же лучше быть снова в стаде, чем одному и без крова.

Тоцци вновь оглядел квартиру. Чисто, новое оборудование, белые стены. Можно поставить мебель, создать домашний уют. И все же трудно примириться с мыслью, что все его вещи – только что из магазина. Может быть, поэтому он и выбрал Хобокен. Этот район напоминал ему место, где он вырос, Вейлсбург в Ньюарке.

– Мы тут составили маленькую брошюру, где указаны магазины, рестораны, службы быта, школы, места развлечений... – Миссис Карлсон открыла свой дипломат на перегородке, отделявшей кухню от гостиной, и принялась рыться в бумагах. Тоцци не обращал на нее никакого внимания. Он снова смотрел в окно, теперь уже в переднее, на крепко сбитую молоденькую мексиканочку в кожаной куртке с бахромой – девушка сидела на крыльце многоквартирного дома и играла с ребенком. Тоцци решил, что это ее малыш. Он как раз учился ходить – переваливался на нетвердых ножках по растрескавшемуся тротуару, ступая, как Франкенштейн, в неуклюжих белых башмачках на шнуровке. Такие башмачки надевали на малышей и в его время, только тогда они были красно-коричневые. Малыш ликовал – личико его озаряла широкая, слюнявая, беззубая улыбка. Девушка тоже смеялась. Вот она схватила ребенка на руки и крепко прижала к себе. Лицо ее дышало счастьем. Тоцци заулыбался тоже.

– Вот, – произнесла миссис Карлсон, тяжело стуча по голому полу своими несуразными каблуками и протягивая Тоцци брошюру. – Это вам очень поможет, когда...

И тут передатчик Тоцци запищал, что чертовски удивило его. Ему положено было носить передатчик, но он и думать не думал, что кто-то будет связываться с ним из офиса. Наверное, там нешуточные проблемы. У Хайеса, должно быть, кончились большие скрепки.

– Извините, – сказал Тоцци, – этот телефон подключен?

– Ну... я не знаю, как прошлый жилец... Но не думаю...

– Не беспокойтесь. Оплату я возьму на себя. – Тоцци снял трубку с белого аппарата, что висел в кухне на стене. В трубке послышались гудки.

– Кстати, мистер Тоцци, я забыла спросить – каков ваш источник дохода?

На секунду Тоцци уставился в пустую стену, раздумывая, как бы поприличнее соврать.

– Я работаю в ФБР, – заговорил он быстро, надеясь, что она не заметила минутного колебания. – В службе информации, – добавил он. – Я отвечаю за информацию в Манхэттенском оперативном отделе.

– А... понятно.

Инстинктивно он забеспокоился, не бросается ли в глаза утолщение под левой подмышкой. Но никакого утолщения не было. Он пока не носил оружия. Приказ Иверса.

Тоцци набрал номер оперативного отдела, назвал себя дежурному, и тот подключил его к другой линии.

– Тоцци, – назвал он несколько саркастическим тоном. Так он представлялся всегда.

Он удивился, услышав голос Гиббонса на другом конце провода. За последние два месяца он почти не виделся с прежним напарником. Ни для кого не было секретом, что Иверс держал их подальше друг от друга.

– Ну, как дела, Гиб? Не жалеешь, что вернулся из отставки?

– А ты не жалеешь, что вернулся?

– Нет.

– Так сейчас пожалеешь. У меня для тебя плохие новости.

Гиббонс говорил таким тоном, что у Тоцци так и стояла перед глазами его крокодилья ухмылка. Он сам улынулся, еще не зная, в чем дело.

– И какие же?

– Ты возвращаешься на оперативную работу. Со мной.

– Ты это о чем?

– Сегодня утром у меня был разговор с Иверсом. Я все уладил. Твой испытательный срок завершился.

– Какого хре... – Тоцци вдруг вспомнил, что миссис Карлсон стоит за его спиной. – Объясни все по порядку.

– Тут нечего объяснять. У нас сейчас не хватает людей, а нью-йоркская полиция еще спихнула на нас это убийство. Со мной же никто из наших работать не хочет.

Тоцци хрипло расхохотался в трубку.

– С этого бы и начинал.

– Я выложил Иверсу все начистоту. «Если вы не дадите мне хоть сколько-нибудь личного напарника, я опять уйду в отставку. Дайте мне Тоцци, или я делаю ручкой» – вот что я ему сказал. Этими самыми словами. Он раскололся моментально. Старая бесхребетная задница.

За тридцать лет работы в Бюро у Гиббонса редко бывал напарник, который выдерживал более трех дней, за исключением Тоцци, вытерпевшего шесть лет, вплоть до самой отставки Гиббонса. Тоцци вздохнул. Хорошо, когда ты кому-то нужен.

Тоцци перевел взгляд на миссис Карлсон, которая стояла у окна, делая вид, что не слушает.

– Я думал, Иверс наотрез откажется подключить меня к делу. Почему же он уступил?

– Кто его знает? В людях, впрочем, он разбирается хреново, если уж ты хочешь знать мое мнение. Во-первых, потому, что послушался меня, а во-вторых, потому, что выпустил на улицу такого психа, как ты. Так что подними зад и притаскивайся сюда к пяти. Перед тем как выпускать тебя на волю, Иверс хочет переговорить с тобой.

– Ах вот как? Может, он еще соберет мне бутерброды на ленч?

– Ну да, и кекс с изюмом в придачу. Еще поцелует на дорожку, – проворчал Гиббонс. – В его кабинете в пять – *cotrepnde goombah*?

– Все понял.

– О деле тебе расскажу, когда придешь. Не дело, а «Записки Шерлока Холмса». Как раз для тебя.

– Расскажи сейчас, хотя бы вкратце. Я же умру от любопытства.

– У тебя, Тоцци, не хватает терпения. Это твоя беда. Держу пари, ты страдаешь преждевременной эякуляцией.

– Ну нет. В этих делах у меня все в порядке. Только нет никого, с кем бы попрактиковаться.

– Ну да, ну да.

– Так что, расскажешь или как?

Гиббонс громко выразил свою досаду глубоким вздохом прямо в трубку. Кажется, теперь ему доставляло больше труда поддерживать свой имидж чертова сукина сына. Не дай Бог кто-нибудь подумает, что он к старости сделался более дружелюбным. Пусть попробует кто-нибудь сказать, будто он раскис.

– Ладно, Тоцци, слушай сюда. «Фольксваген-жук» плыл себе по течению и ткнулся в паромную пристань на Стэйтен-Айленде, нижний Манхэттен. Это было вчера. Внутри – двое жмуриков. Тела разрезаны почти пополам.

Сперва Тоцци подумал о фокуснике, который распиливает пополам свою партнершу. Потом представил себе кровавую кашу, выпавшие внутренности, и на минуту у него перехватило дыхание.

– На машине – номера штата Нью-Джерси, – продолжал Гиббонс, – потому-то полиции и удалось свалить это дело на нас. Я сходил проверил номера в управлении автомобильного транспорта, и, как и следовало ожидать, машина оказалась краденая. Владелец заявил о пропаже в полицейское отделение Керни в прошлую субботу вечером, за десять часов до предполагаемого времени убийства.

– Владелец машины на подозрении?

– Нет, у него твердое алиби. Он был на матче в шахматном клубе у себя в поселке. Свидетели подтверждают, что он оставался там по меньшей мере до половины одиннадцатого. Домой из клуба его подвез какой-то приятель. И когда они подъехали, то увидели, что его машины, «фольксвагена», на стоянке нет.

– Почему он не поехал в клуб на своей машине?

– Он говорит, что ездит на ней только в овощную лавку. Тот мужик – бывший учитель математики, сейчас на пенсии. Старый хмырь. Это не наш парень: Уж я-то знаю.

– Старый хмырь на пенсии, а? – Тоцци хихикнул себе под нос.

– Заткнись и слушай, Тоцци! Убийца определенно не был специалистом по ракетным установкам. Он закрыл все окна в машине, перед тем как столкнуть ее в реку. А «жуки» водонепроницаемы. Они плавают. Я думал, это известно каждому нормальному человеку. Боже милосердный, да ведь и в рекламе, кажется, об этом твердят.

– Он, возможно, не каждый нормальный человек.

– Очевидно, так. У каждого нормального человека не хватит духу разрезать два тела, как индейку в День благодарения, потом запихнуть их в машину и столкнуть в реку.

– Ты, Гиб, все так красочно расписываешь.

– Спасибо на добром слове. Мне только что принесли медицинское заключение. Вот оно, передо мной. Одна из жертв была разрезана справа, другая – слева. Сначала мы думали, что это разные разрезы, но медицинский эксперт утверждает, что разрез один и нанесен после смерти. Он считает, что тела были положены одно на другое или даже поставлены рядом, перед тем как их расчленили. Поразмысли-ка над этим немножко.

– По-моему, тут что-то, связанное с обрядами. – Тоцци понизил голос и оглянулся на миссис Карлсон. – Ты не проверял версию насчет поклонников дьявола?

Трубка молчала.

– Гиб! Ты слушаешь?

– Поклонники дьявола, а? Где уж мне было догадаться. А может, это друиды. Что, съел?

– Ну ладно, ладно, не кипятись.

– Ты пять минут, как в деле, а уже лезешь со своими версиями типа «сумеречного сознания». Я так и знал, Шерлок, что дельце придется тебе по вкусу.

– Я не имею привычки выстраивать версии и составлять мнения, пока не увижу своими глазами все лабораторные данные.

– И вот тогда ты начнешь промывать мне мозги обрядами, ритуалами и прочим дерьмом.

Тоцци сжал провод и оглянулся на дверь. Миссис Карлсон как раз заглядывала в стеновой шкаф для белья.

– Увидимся позже, Гиб. Я задерживаю деловую женщину.

– Ах, вот как? Звучит заманчиво.

– Агента по недвижимости.

– Она красивая?

– Очень приятный человек.

– Жаль. Ну, что там у тебя? Снял квартиру? И леди по недвижимости в придачу?

– Черт возьми, надеюсь, что нет, – пробормотал Тоцци. – Искать квартиру – сушая морока. Скорей бы конец.

– Такними же квартиру, олух царя небесного, любую квартиру. Все, что тебе надо, – три комнаты и кровать. Если эта квартира чистая, сними ее, и все дела. Ты ведь не Прекрасный Принц, можешь обойтись и без Букингемского дворца.

– За совет спасибо. Увидимся в пять. И кстати, еще раз спасибо.

– За что?

– За то, что ты снова вытащил меня на работу.

– О... не стоит благодарности. Пока. – Гиббонс положил трубку.

Улыбаясь, Тоцци повесил трубку на место и снова подошел к окну. Юная мамаша все еще забавлялась с ребенком.

Тяжелые шаги Чарлены Чан зазвучали по коридору за его спиной. Мамаша выкинула окурок на тротуар, крепко прижала к себе малыша и стала баюкать его, прикрывая лапами своей кожаной курточки.

– Все в порядке, да, мистер Тоцци? – осведомилась миссис Карлсон.

– О да, все утряслось. – Тут он вспомнил, что именно ей наврал. – Кое-какие проблемы с мягкой мебелью.

Мертвая плоть – мягкая... во всяком случае, пока не окоченеет.

– Ну и что вы решили?

– Так какая, вы говорите, квартирная плата?

Малыш выгибал спинку, терся личиком о мамин спортивный свитер и смеялся, задирая голову.

– Восемь пятьдесят. Без отопления и горячей воды.

Он знал, что квартиры дешевле ему не найти, во всяком случае такой же чистой. И потом, ему надоело смотреть квартиры. Теперь он хотел скорее приступить к работе, к настоящей работе.

– Пожалуй, я сниму ее, – изрек он наконец, поджав губы и значительно кивнув.

– Вот и чудесно, – замурлыкала леди с хорошо отработанным энтузиазмом. – Я рада, мистер Тоцци, что квартира вам понравилась. Еще одно – перед тем как я начну составлять договор об аренде. Владелец дома хочет знать все о своих жильцах, и он предпочитает семейных. Поскольку он сам живет в этом здании и здесь всего каких-нибудь пять квартир, он имеет законное право отсеивать жильцов и выбирать по своему вкусу. Но я уверена, что у вас с этим не будет проблем. Миссис Тоцци ведь существует, правда?

– О... да. Конечно. – Левая рука без кольца застыла в кармане. – Она сегодня не смогла. Дела задержали.

– Ах, понимаю. Вы, должно быть, ОРДН. – Она улыбнулась, показав все свои зубы.

– Простите, что?

– Оба работают, детей нет: ОРДН. Неужели вы никогда не слышали?

Тоцци покачал головой и принужденно улыбнулся. Сука.

– Пожалуйста, простите меня. Это просто так говорится. Я не хотела вас обидеть.

– Я и не обиделся. – Гнусная сука.

– Ваша жена случайно не адвокат? Мистер Халбасиан не сдает квартиры адвокатам.

– Нет. Она не адвокат. – Гнусная поганая сука.

– Вот и хорошо. Сегодня я свяжусь с ним и договорюсь о встрече. Согласны?

– Да, конечно. – Мразь.

Он снова поглядел в окно на молодую мамочку и прикинул, пройдет ли номер, однако тут же оставил эту мысль. Девчушка ничуть не похожа на ОРДН.

Дерьмо.

Глава 5

Поведение Д'Урсо Нагаи сегодня решительно не нравилось. Он не смог бы в точности сказать, в чем тут дело, но что-то было явно не так. Очень уж Д'Урсо был дружелюбный, мягкий, не такой заносчивый, как обычно. И слишком много улыбался, особенно если учесть, зачем они все тут собрались. Явно задумал что-то. Нагаи повернулся к Масиро, хотел было спросить его мнение, но самурай был занят – глаз не отрывал от своей руки. И это понятно. Такого ему еще не приходилось делать. Американец может просто сказать: «Извините, я виноват». У нас все сложнее.

– Эй, возьми-ка это. – Бобби Франчоне швырнул номер «Нью-Йорк пост» на прилавок перед грязной раковиной. – Не забрызгай тут все своей кровью.

Нагаи взял газету и взглянул на заголовок: «Жук смерти всплывает в порту». Под заголовком виднелась фотография «фольксвагена», зависшего над водой. Ну, Бобби, тонко сработано.

Масиро стоял в сторонке, пока Нагаи покрывал газетой старый, обитый клеенкой прилавок. Самурай положил на газету маленький серебряный ножик и встал на то же место, баюкая руку, как крошечного зверька. Нагаи смотрел на его толстые, мясистые пальцы, похожие на лучи морской звезды. Единственное мутное окошко и лампочка, свисающая с потолка захлавленной задней комнатенки, создавали то зловещее серое освещение, какое бывает на море перед бурей. Как нельзя кстати.

– Мне что-то не по себе, – заявил Франчоне, кивая на ножик с трехдюймовым лезвием. – Без этого никак нельзя?

– Таков обычай якудза, – невозмутимо ответил Д'Урсо. – Правда ведь, Нагаи? Нагаи кивнул.

– Это называется юбицумэ. Если человек совершает серьезную ошибку, он за нее должен платить. Так велит обычай. – Он поднял правую руку и показал обрубки мизинца и указательного пальца.

– У нас в таких случаях ломают ноги, – пояснил Д'Урсо шурина.

Франчоне вдруг схватил газету, свернул ее и ткнул пальцем в заголовок.

– Да за такой прокол ублюдка убить мало. Будь он из наших, ему бы уже не жить.

«Какого черта Д'Урсо всюду таскает за собой эту маленькую погань?» – подумал Нагаи.

– Откуда же было Масиро знать, что тачка, которую угнали те ребята, всплывет? Плавающие тачки! Выдумают ведь такую хреновину.

– Не надо песен. Ты должен был знать. А теперь вся полиция встанет на уши. И какого ляда нужно было их разрубать? Только отягчающих обстоятельств нам еще и доставало. От вас, ребята, сто баксов убытку, вот что я вам скажу.

Нагаи все смотрел на руку Масиро.

– То есть как это?

– Ну поглядите же на себя, Господа ради. И подумайте, каково нам. Мы вроде должны вас прикрывать от копов – так ведь? – но у вас, ребята, все на лбу написано. С вами все ясно, как белый день. Вы, якудза, одеваетесь, как мой дядюшка Нунцио, – все, как один, в этих кричащих куртках и дурацких шапочках. Да еще эти хреновы татуировки по всему телу, и это с пальцами. – Франчоне указал на руку Масиро. – Если кого-то из вас заметут, вышлют сей же момент. Каждого из вас за километр видно.

– Хватит, Бобби, – оборвал его Д'Урсо.

Нагаи пожал плечами с безразличным видом. Потом поддернул манжеты темно-синей рубашки, так чтобы они видны были из рукавов куртки из шагреновой кожи.

– У вас свои обычаи, у нас – свои.

– И ты поэтому разъезжаешь всюду на старом черном «кадиллаке» с допотопным радиатором? Это тоже обычай? На самокат бы еще сел! Так-то ты стараешься не светиться?

Нагаи сверкнул глазами на панка, думая, стоит ли вообще заводить с этим идиотом.

– Машина принадлежала Хамабути. Он мне ее подарил. Было бы бесчестно оставить ее. Франчоне всплеснул руками.

– Ах, Боже ж ты мой, да только это от вас и слышишь: «Честно – бесчестно». Дерьмо собачье. Думаю, это лажа. Чего вы не хотите делать, того и не делаете.

Масиро со свистом втянул в себя воздух и схватился за нож. При виде ножа в руке Масиро глаза Франчоне вылезли из орбит. Нагаи выдавил из себя легкий смешок.

– Несладко тебе, Бобби, зависеть от нас, косоглазых придурков, в этом деле с работоговлей.

Палец Франчоне ткнулся в лицо Нагаи, как раскрытая бритва.

– Не мудри, Нагаи. Вы доставляете нам рабов, мы их покупаем – и мы вам так же нужны, как и вы нам. Так что сиди и не рыпайся.

– Да неужели? Скажи-ка, где бы вы взяли еще рабов – да такую уйму? И кто бы за ними стал присматривать? Мои люди их держат под контролем. Для вас.

– Не надо мне лапшу на уши вешать, приятель. Твои люди – не смехи мою задницу. Я-то знаю, Нагаи, что у тебя тут никого нет. Пшик.

– У меня тут полно людей. Больше, чем ты думаешь.

Франчоне рассмеялся ему в лицо.

– У тебя нет людей. Люди есть у Хамабути. Они подчиняются ему, а не тебе. Тебе подчиняется один Мишмаш.

Сердце у Нагаи запрыгало. В горле пересохло.

– Ты сам не знаешь, что плетешь.

– Да нет, знаю. Мы все знаем о тебе, Нагаи. Мы знаем, что и дома, в Японии, у тебя никого нет, потому что ты там обделался по уши. Ты у Фугукай на мушке, потому что пытался убрать Хамабути и встать во главе семьи. Но дело накрылось, верно? И вместо того чтобы шлепнуть тебя, как бы следовало, Хамабути держит тебя здесь, как шавку на поводке. Так это, Нагаи, или не так? Сюда тебя отправили в наказание, да или нет?

Нагаи смотрел Франчоне прямо в глаза и желал одного: забрать у Масиро нож и воткнуть ублюдку в самое горло. Те давние слова Хамабути звенели у него в ушах: «Теперь, когда твое существо очистилось от предательства, можно быть уверенным, что ты не попробуешь снова. Ты познал всю глубину своего несовершенства – и я верю, что ныне твоя преданность мне станет еще крепче. Искупил свою вину в Америке, Нагаи. Поработай там на меня, и я обещаю вернуть тебе честь».

Но когда же, черт его подери? Когда?

Франчоне хохотал, повернувшись к Д'Урсо.

– Ему нечего сказать. Знает, что я прав.

– Заткнись, Бобби, и встань сюда. – Д'Урсо шагнул вперед, положил руку на плечо Нагаи и отвел его в сторону. Нагаи весь содрогнулся от прикосновения. – Не бери в голову, что Бобби сказал. Он у нас горячая голова. Сам не знает, что несет.

– Для человека, который сам не знает, что несет, он знает слишком много.

Д'Урсо закивал, словно извиняясь.

– Да-да, это я виноват. Антонелли мне рассказал. Не надо было посвящать в это Бобби.

Нагаи стало жарко. Они знают слишком много. Он сам слишком много болтал.

– Послушай, – шепнул Д'Урсо еле слышно. – Я хочу тебе кое-что сказать. Мы смогли бы пристроить больше рабов, гораздо больше – столько, сколько ты сможешь достать, особенно баб. Можешь сделать?

– Следующий пароход приходит в четверг на следующей неделе...

– Нет-нет, эти уже расписаны. Я хочу еще, сверх сметы. Доставь их сюда как можно быстрее. Хочешь назначить свою цену за всю партию – давай, можем договориться. Тысяча рабов, половина баб. Но доставка не позже чем через два месяца. Сможешь ты это сделать?

Нагаи уставился на него.

– Д'Урсо, сделки заключают Хамабути и Антонелли. Не мы с тобой.

Д'Урсо весь сморщился, заулыбался.

– Забудь о них. Речь идет именно о нас с тобой. У меня есть кое-какие планы, говорить еще рано, но я определенно решил взять тебя в долю, Нагаи. Ты парень толковый. Я это с самого начала усек. Но, сдаётся мне, Хамабути тебя держит, а это, как я понимаю, никуда не годится.

– И как же ты это понимаешь?

– Ну, я так понимаю, что вся эта работоторговля держится только на нас с тобой. Мы хорошо сработались и, думаю, сработаемся еще лучше, когда станем работать сами на себя, если тебе ясно, о чем я.

Нагаи рассмеялся.

– Ты, должно быть, шутишь?

– Нет, не шучу. Кому нужны эти долбанные боссы? Мы работаем, а они бабки загибают. От них мы ничего не имеем. Ты знаешь весь расклад, не мне тебе говорить. Если мы раскрутим свое дело, то за три года заработаем больше, чем эти двое имеют сейчас.

Нагаи покачал головой.

– Но мы не сможем обеспечить доставку из Японии. Хамабути перережет каналы.

– Но кто тебе сказал, что мы должны брать только японских ребят? Ты говор ил, у тебя есть связи на Филиппинах. Ты там покупал девок для ночных клубов Хамабути в Токио. Ну помнишь, ты рассказывал? Мы можем ввозить сюда филиппинских ребят. Сможешь это устроить, а?

Нагаи передернул плечами и в задумчивости закусил верхнюю губу.

– Теоретически смог бы... но практически нас пристукнут через неделю, если мы пойдем против них.

Д'Урсо усмехнулся и покачал головой.

– Не пристукнут, если будешь держаться меня. За мной – сила. Антонелли не борец, он уже выдохся. Пошуметь он пошумит, но со мной ничего не сделает – не те козыри. И пока ты за меня, мы тебя прикроем от парней Хамабути. Верняк. И потом, тебя Масиро прикроет. Он-то тебя не бросит ради Хамабути, а?

– Нет, но...

– Хай. – Это Масиро вышел из транса и прервал разговор. Нагаи повернулся к своему самураю. Дело важное: он должен внимательно следить. Масиро прикрылся полотенцем спереди, налег животом на прилавок и опять развернул газету. Он держал нож у той руки, которую давеча ласкал, будто собирался резать морковь. И глядел на Нагаи, ожидая сигнала.

– Подумай об этом, Нагаи, – шепнул ему Д'Урсо. – Подумай, прошу.

Нагаи вздохнул про себя и постарался сосредоточить внимание на Масиро. Но слова Д'Урсо не выходили из головы. Это безумие. Он не хочет застрять здесь навеки, даже с доходами Хамабути. И все же – с такими деньгами можно перевезти сюда детей, даже похитить их, если потребуется. И отделаться от их проклятой мамы. Да чего только с такими деньгами не сделаешь...

Масиро испустил низкий горловой стон, и Нагаи отогнал от себя посторонние мысли, устыдившись, что обделяет вниманием своего самурая в такой критический момент его жизни.

– Хай, – выдавил он, сиюсь воспроизвести устрашающее рычание Масиро.

Самурай оглянулся на него через плечо. Масиро – хороший парень. В том не было его вины, но ответ держать приходится. Нагаи поймал твердый взгляд Масиро и коротко кивнул.

Ни минуты не колеблясь, Масиро рубанул по пальцу. Плечи его дважды приподнялись и опустились. Не так-то просто разрубить сустав. Нагаи это известно. Кровь миглом пропитала газету и по сгибу потекла в раковину. Масиро прижал обрубок мизинца. Тем временем Нагаи подобрал нож и вытер его о полотенце. Потом вынул из кармана зажигалку и стал держать клинок над высоким оранжевым пламенем.

– Ни хрена ж себе, – просипел Франчоне. Приятно было видеть, как побледнел панк. – И что теперь с этим делать? – Франчоне кивнул на отрезанную фалангу пальца, лежащую на пропитанной кровью газете. Он не говорил, а гавкал. Как шавка на цепи.

Нагаи ухмыльнулся, глядя на загнутый язычок пламени.

– Масиро дарит его тебе. Сожалея об ошибке.

Франчоне передернуло.

– Убери эту пакость от меня подальше.

– Вставишь в серьгу, – захохотал Нагаи.

Панк потрогал золотое колечко у себя в ухе.

– Ну, ты шутник, Нагаи. Спусти это в унитаз. Да гляди, чтобы не засорился.

– А может, я возьму его себе. – Нагаи передал нож Масиро, который тут же прижал лезвие к ране, прижигая ее каленым железом. Нагаи вытащил из кармана серый пластиковый футляр для фотопленки и бросил туда окровавленный кусок пальца. Запах горелого мяса наполнил комнату, а Масиро по-японски просил у своего господина еще огня, чтобы закончить прижигание. Нагаи заметил, что Франчоне вот-вот стошнит. Он поднес Масиро зажигалку и встряхнул футлярчик, чтобы панку сделалось еще хуже. Но сухой дробный звук внезапно навел на него тоску. Звук этот напомнил заводного мишку, пушистого, белого, который бил в свой крошечный барабан. Подарок для Хацу, старшей дочери. Как давно это было.

Кончив обрабатывать палец, Масиро аккуратно вытер ритуальный ножик о полотенце и вернул оружие Нагаи.

Франчоне изумленно мотал головой.

– Ну, ты даешь, Мишмаш. Теперь понятно, почему рабы тебя так боятся. – Он снова подергал серьгу. – Как же он дошел до жизни такой, а, Нагаи? Занимался борьбой сумо, да?

Нагаи пропустил вопрос мимо ушей, но Масиро по-японски спросил, можно ли ответить панку. Пожав плечами, Нагаи кивнул. Хотя зачем трудиться? Американский придурок все равно ничего не поймет.

– В одно время, – начал Масиро на своем ломаном английском, – я был служащий. Нет большой босс, нет маленький босс – средний босс. Но эта жизнь меня тошнило. Ничего в душе, когда я служащий. В компании все волнуются, как делать лучше всякое барахло. Я знаю человека, он убил себя, потому что компания не хотела его идея часы в машине. Это нет хорошо. Это нет Масиро. Мужчина имеет дух и служит духу, не компании. Я самурай. Такой мой дух. Я должен служить господин, такой господин, который больше значит, чем часы в машине. Масиро не может ходить ронин.

– Это еще что? – спросил Франчоне.

Нагаи помедлил, раздумывая, стоит ли объяснять панку.

– Ронин – бродячий воин, самурай, потерявший господина.

Масиро неистово закивал.

– Нагаи-сан – мой господин. Он говорит мне делать эта, я подчиняться. Он лучше знать.

Нагаи вдруг вспомнил, как в первый раз увидел Масиро. Это было дождливым утром, три – нет, четыре года назад. Он как раз выходил из дома и чуть не споткнулся о незнакомца, который преклонил колени на пороге, уткнувшись лбом в бетон. Со множеством церемоний чудака назвался потомком самурая Ямашиты, который служил великому воителю Нагаи из Кинки в первые годы правления сёгуна Токугавы. Нагаи подумал, что парень не в своем уме. Масиро, однако, продолжал величать его господином, твердил, что тот древний воитель Нагаи был его

предком. А он, Масиро, явился продолжить традицию праотцов. Нагаи посмеялся над ним, напомнил, что носит расхожее имя, но Масиро твердил, что уверен в родстве, хотя так и не признался, откуда у него эти сведения. Масиро объяснил, что в поисках его обшарил всю Японию и теперь должен предложить свои услуги. Нагаи все смотрел на него, и вдруг ему пришло в голову, что незнакомец не иначе как дар переменчивой судьбы. Это случилось где-то через неделю после того, как он пытался убить Хамабути, в то время когда готовился принять смерть за свой промах. Он тогда был совсем один. Никто из Фугукай не разговаривал с ним, а жена в страхе сбежала к матери, захватив детей. В другое время он обозвал бы незнакомца психом и вышвырнул бы его вон из своего дома, но теперь ему был нужен друг. Кто-то, кто был бы рядом, пока он ждет наказания от Хамабути. Он пригласил Масиро в дом и предложил ему чаю. Так все и началось.

– Ну-ка, постой, постой, – выпалил Франчоне, прервав воспоминания. – У Мишмаша была нормальная работа, а он ее бросил и пошел в якудза?

– Дело не только в этом. Тебе не понять. – Убрался бы ты подальше.

– Тут замешана честь, Бобби, – мягко сказал Д'Урсо, глядя на Нагаи.

– Да, честь, – подхватил Масиро. – Большая честь сегодня быть якудза. В бизнесе нет чести. Нагаи-сан не барахло. Нагаи-сан – даймё, великий воин старых времен. Система сегодня плохо. Большие фабрики делать много барахло. Старина лучше. Мы победить, мы смеяться системе. Это хорошо.

Франчоне повернулся к Д'Урсо.

– Что-то я не врубаюсь.

– Он имеет в виду, Бобби, что лучше быть хорошим якудза, чем лизать задницу боссу в компании. Масиро чувствует, где дерьмо, а где нет. Все эти большие компании – дерьмо собачье. Они обслуживают пустое, бессердечное общество потребления. Масиро же привержен высшим ценностям. Так я говорю, Нагаи?

Нагаи взглянул на Д'Урсо. Забавно. По-своему Д'Урсо все понял. Забавно.

Масиро снова закивал, заулыбался Д'Урсо.

– Да, да. Лучше самурай для Нагаи, чем насекомый для «Тойоты», да.

Франчоне пожал плечами.

– Тебе виднее. Но скажи-ка мне одну вещь, Мишмаш. Тебе этот пальчик не мешает в каратэ?

Масиро застыл в недоумении, Нагаи перевел. Самурай поглядел на Франчоне и загадочно усмехнулся. Нагаи рассмеялся замешательству панка. Пусть себе гадают.

– Где мой двоюродный брат?

Нагаи перестал смеяться. Все головы повернулись к двери, откуда доносился голос; настойчивый, повторяемый по-японски вопрос прямо-таки звенел в воздухе.

Это был один из рабов Д'Урсо, парнишка в запачканном белом халате, не по росту большом, и в смешной бумажной шапочке. Он встал на пороге и оглядел их всех, потом отвесил поклон и заговорил с Нагаи и Масиро по-японски.

– Мое имя Такаюки. Несколько дней назад мой двоюродный брат пошел на свидание с девушкой. И не вернулся. Ходят слухи, будто вы убили его. Я хочу знать, так ли это. – Он стоял прямо, ожидая, что ему ответят.

– Какого черта ему тут надо? – выверился Д'Урсо.

– Мистер Д'Урсо, я хочу знать, что случилось с моим двоюродным братом. – Паренек прекрасно говорил по-английски. – Он ушел в прошлую субботу. Вы не можете так обращаться с нами. Мы вовсе не этого ожидали, когда записывались на эту программу дома, в Японии.

Такаюки... ну да, конечно. Нагаи вспомнил, кто он такой. Сопляк, млеющий от любви, который помогал Рэйко с английским. Она еще восхищалась, что парень говорит по-английски,

как настоящий американец. Нагаи часто думал, что должен быть благодарен этому сопляку за то, что он помог обучить такую великолепную шпионку. Рэйко... Знал бы только Д'Урсо...

Нагаи поймал взгляд Масиро и резко кивнул. Покорный самурай кивнул в ответ и повернулся к мальчишке. Широкая спина Масиро заслонила лицо раба.

– Пусть другие увидят, – приказал Нагаи. – Пора привести их в чувство.

Масиро быстро пошел вперед, согнув ноги в коленях и двигая широкими бедрами. Он приблизился к Такаюки вплотную, носок к носку, и замер в ожидании. Парнишка смерил его негодующим взглядом, снова стал спрашивать что-то по-японски, но осекся: Масиро наклонил голову и боднул его в лоб. Потом протолкнул, в дверь и поспешил следом. Нагаи улыбнулся. Он знал: Масиро сделает все как надо.

Из коридора доносились протесты паренька, но все его поползновения жестоко пресекались. Потом раздался ужасный грохот – это мальчишку спустили с короткой лестницы, ведущей в заднее крыло. С минуту стояла тишина. Нагаи представил себе, как вся фабрика внезапно застыла при появлении Масиро с пареньком. При появлении Масиро они всегда застывали. Он вселял ужас в их сердца, как длинная, суровая зима. До задней комнатенки доносились разные звуки: топот ног по кафельному полу и шум, который производило тело юного Такаюки, падая на железные чаны под ударами Масиро. Потом тишина, и за ней – слабый, болезненный вскрик. Нагаи взглянул на Д'Урсо и улыбнулся.

– Теперь он будет послушным мальчиком.

Д'Урсо тоже улыбнулся.

– Еще бы. Послушай, у меня сейчас дело в моей конторе по продаже автомобилей. Я ухожу, но ты подумай над тем, что я сказал.

Нагаи кивнул.

– Я дам тебе знать.

Франчоне, выходя из комнатки следом за шурином, опять казался озадаченным. Оставшись один, Нагаи поднял голову и взглянул на грязное окошко, откуда сочился серый свет. Он старался отогнать от себя искушение. Но ведь в Америке все возможно.

Массивная фигура Масиро показалась в дверях. Он поддерживал свою окровавленную руку. Из почерневшего обрубка все еще сочилась кровь.

– Нож и огонь, пожалуйста.

Нагаи кивнул и полез в карман. Да... возможно все...

Глава 6

Гиббонс сосал ириску и изучал Тоцци, который сидел на соседнем стуле, закинув ногу на ногу. Колено Тоцци подпрыгивало, когда он пытался рассмотреть, что находится на столе у Иверса, и прочесть бумаги, лежащие к нему вверх ногами. Он явно нервничал. Как, впрочем, и всегда в последние дни.

Брент Иверс, главный специальный агент, сидел за огромным столом красного дерева, нацепив очки в металлической оправе на свой остренький носик. В руках у него был рапорт, которым, казалось, он был полностью поглощен. Может, разыгралось воображение, но Гиббонс готов был поклясться, что на висках Иверса показалась седина. Эта седина плюс простой темно-синий костюм и белая рубашка с пластроном придавали ему вид доброго папашки. Помесь Тедди Кеннеди с Оззи Нельсоном. Вообще-то Иверс изображал из себя доброго папашу с тех самых пор, как Тоцци вернулся в Бюро. Гиббонс взглянул на фотографию трех сыновей Иверса, что стояла на столе. Да, Брент, дети растут, мы стареем. Гиббонс злорадно ухмыльнулся.

Иверс зыркнул на Гиббонса поверх очков, потом устремил скептический взгляд на Тоцци. Еще одно заученное движение, долженствующее что-то означать. Дерьмо собачье. Если ты не доверяешь Тоцци, старая задница, то какого черта допускаешь его до расследования? Ну, давай, выкладывай, что там у тебя.

Иверс глубоко, обреченно вздохнул и покачал головой. Гиббонс все ждал, когда же он хоть что-нибудь скажет, но Иверс качал головой, и больше ничего.

– Ну так что же, Брент?

Иверс нахмурился и снова взглянул на Тоцци.

– Не очень-то складно, Берт.

Гиббонс несколько раз крутанул ириску во рту. Он терпеть не мог свое имя, Катберт, и любое уменьшительное от него, но редко когда напоминал людям, что предпочитает, чтобы его называли по фамилии. Кто действительно знал Гиббонса, тот также знал, что называть его по имени не следует. Так он отличал настоящих Друзей.

– Так что выяснили в лаборатории насчет тех двух трупов? – спросил Тоцци.

Гиббонс говорил ему, чтобы он сидел молчком и слушал, но Тоцци слишком суетился, чтобы слушать спокойно. Он никогда не умел слушать. Ну, давай продолжай в том же духе, идиот. Иверс только этого и ждет. Предлога, чтобы засунуть тебя обратно в архив. Умник выискался.

Иверс вновь посмотрел на Гиббонса. Казалось, ему не хочется напрямую общаться с Тоцци. Может, боится, что тот укусит.

– Итак, могу вам сообщить, что в «фольксвагене» обнаружены два тела – мужчины и женщины. Анализ костных тканей показал, что обоим было лет по восемнадцать – двадцать. По форме черепа можно считать, что они были корейцами или японцами, но это еще не точно. Мы просмотрели заявления о пропавших без вести и не нашли никого, кто подходил бы по приметам. В компьютерных данных их отпечатки пальцев не обнаружены, значит, можно предположить, что они иностранцы. Мы попытаемся запросить японские и корейские власти об отпечатках пальцев, но, исходя из прошлого опыта в Вашингтоне, мне сообщили, что интернациональное сотрудничество на Востоке не слишком-то приветствуется.

– Явились ли резаные раны причиной смерти? – спросил Тоцци.

Иверс покачал головой и принялся методически рыться в бумагах в поисках нужного листка. Смотреть на Тоцци ему тоже не хотелось. Вид его, наверное, напоминал Иверсу, что оба напарника надавили-таки на него не в столь отдаленном прошлом и вынудили принять Тоцци обратно. Кто знает, может, Иверсу все еще было неловко.

– У обеих жертв сломаны шейные позвонки, что указывает на удар каким-то тяжелым предметом. Раны на туловище нанесены после смерти.

Тоцци потянул себя за верхнюю губу и устался в окно. Гиббонс знал это его выражение. Уже, должно быть, составляет одну из своих знаменитых теорий. Гиббонс Христом Богом поклялся, что даст Тоцци в зубы, если только тот снова вытащит на свет поклонение дьяволу.

– Эксперты выяснили о ранах что-нибудь особенное? – Ириска застучала о коренные зубы.

– Они утверждают, что раны нанесены длинным, заточенным с одной стороны, острым как бритва клинком. Очень может быть, что изогнутым. Наши люди согласились с мнением медицинского эксперта, что обе раны – следствие одного удара. – Иверс судорожно вздохнул. Гиббонс знал, что все это ради эффекта. Иверс очень любил эффекты. – Одна из наших специалисток приложила свое личное заключение. Она предполагает, что орудием убийства мог бы быть... катана, так, кажется, это произносится. Меч японского самурая. Вроде бы только несколько десятков продавцов оружия высылают такие мечи по почте, по заказам клиентов. В Вашингтоне для нас составляют список.

Гиббонс заложил ириску за другую щеку.

– По способу убийства в нашей картотеке нет ничего похожего? Кроме Джека Потрошителя, конечно.

Иверс покачал головой.

– В компьютере полно данных о посмертном членовредительстве. Но именно такого ничего нет.

Тоцци пожевал верхнюю губу и взглянул на Гиббонса.

– Может быть, тут какое-то обрядовое действо?

Отлично, Тоцци. Давай покажи мужику, что ты снова на месте, в стране дураков.

Иверс наконец взглянул Тоцци в глаза. Потом снял очки обеими руками.

– Мы учли и это, Майк. В отделе исследований проверяют эту версию. – Он нацепил очки обратно на нос. Господи Иисусе.

– А что насчет сломанных шейных позвонков? – спросил Тоцци. – Каким орудием были нанесены удары?

– И в том и в другом случае кожа не повреждена. Орудие могло быть какое угодно: палка, резиновая дубинка, любой металлический предмет круглой формы, может быть, завернутый в ткань.

Гиббонсу все это надоело.

– Что-нибудь еще обнаружили? Что машина?

– Машину, думаю, здорово промыло, – сказал Иверс, заглянув в рапорт для пущей уверенности. – Но кое-что интересное обнаружили на одежде. Синтетические нити на вельветовых брюках мужчины. Такие нити соответствуют покрытиям в новейших японских автомобилях.

– То есть нити не из «жука»? – спросил Гиббонс.

– Нет. В «фольксвагене» вообще не предусмотрено ковровое покрытие. Во всяком случае, в этих старых моделях. – Иверс перевернул страницу. – На брюках найдены также множественные следы куриной крови.

– Культ сатаны, – выпалил Тоцци. – Они приносят в жертву петухов.

Гиббонс бросил на напарника свирепый взгляд и вцепился зубами в ириску.

– А в кармане брюк, что были на женщине, – продолжал Иверс, не отрывая глаз от рапорта, – нашли небольшие ножницы. Вот эти. – Иверс показал черно-белую фотографию восемь на десять, изображавшую ножницы с короткими остроконечными лезвиями и широкими кольцами в форме кроличьего уха. – В отделе исследований говорят, что такими ножницами подрезают карликовые деревья бонсай. Эти сделаны в Японии.

Колено Тоцци беспрерывно подпрыгивало. Он так и рвался с места в карьер. Гиббонс дожевывал остатки ириски.

Иверс снял очки и бросил их на рапорт.

– Вот в основном и все до сих пор известные данные.

– Это лучше, чем ничего, – заговорил Тоцци. – Нам еще нужен список всех марок машин, в которых используется такое синтетическое покрытие. Ножницы – необычная деталь. Один из нас должен над этим поработать – пойти туда, где продаются такие деревца бонсай, и посмотреть, не прояснится ли что-нибудь. А может, эти ножницы используют как-нибудь еще. И обрядовой стороной тоже следует заняться. Если в картотеке ничего нет, я загляну в тот магазинчик оккультной литературы на Девятнадцатой улице – вдруг там что-нибудь обнаружится. А тем временем...

– Погодите, Тоцци. – Иверсу все это явно не нравилось. – Прежде всего, нам нужно с вами кое-что обсудить.

Гиббонс ухмыльнулся. Говорил же тебе – помалкивай, гумбо.

– Меня не очень-то греет мысль, что вы выходите на самостоятельную оперативную работу, Тоцци. Поскольку случай не первостепенной важности, думаю, лучше вам с Гиббонсом все время держаться друг друга. Вы понимаете меня?

– Эй, подождите-ка, Иверс. Я не затем вышел из отставки, чтобы нянчить этого малыша.

– Нянчить, никого не нужно, Берг. Я просто думаю, что вы должны помочь Тоцци вернуться к обычному распорядку работы.

Тоцци взглянул ему в глаза.

– О чем это вы?

Иверс не отвел взгляда.

– О том, что Бюро, Тоцци, не приветствует личной инициативы, а вы к ней имеете явную склонность. То, что мы скрыли ваши фокусы с перебежкой, не значит, что все забыто. Если вы хотите оставаться агентом по особым поручениям, вы должны привыкать работать так, как принято в ФБР.

– Я же сказал вам, что на все согласен. – Тоцци напряженно улыбнулся, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не послать начальника к чертям собачьим.

– Так позвольте напомнить вам азы нашей профессии. Все операции ФБР по захвату подозреваемых должны осуществляться только при наличии трех условий: превосходства в живой силе, превосходства в технике и момента неожиданности. Мы здесь работаем, как одна команда, Тоцци. Не забывайте этого.

Тоцци провел языком по губам.

– Ладно.

– Я приказал Джимми из технических служб не выдавать вам никакого снаряжения без моего письменного разрешения. Ни микрофонов, ни видео – ничего такого. Я должен заранее знать, что вы собираетесь делать.

– Буду держать вас в курсе.

– И еще одно, Тоцци. Свой личный арсенал держите у себя дома. Напоминаю, на случай, если вы забыли: уставное оружие специального агента – револьвер «Магнум-357». Если вы хотите оставаться специальным агентом, то должны носить только такое оружие. Ясно?

– Да. – Тоцци весь кипел.

Гиббонс вытер губы и стал наблюдать за тем, как разворачивается эта маленькая драма. С пистолетами Иверс повернул круто. Тоцци всегда был щепетилен в выборе оружия, и ни одно его до конца не устраивало. Он всегда твердил, что совершенного револьвера еще никто не изобрел, и поэтому так часто менял калибры. «Магнум-357» ему совсем не нравился. Слишком неуклюжий, по его словам. И это чистая правда. Гиббонс вдруг ощутил свой верный револьвер 38-го калибра в кобуре под мышкой.

Иверс повернулся к Гиббонсу.

– Хотите что-нибудь добавить, Берт?

– Нет, не хочу. – Гиббонс встал, собираясь уходить. Нет, дорогой мой Иверс, уж я-то масла в огонь подливать не собираюсь.

– Ну, тогда ладно. Копии этих рапортов можете получить у моего секретаря. И помните: я хочу, чтобы вы докладывали мне обо всем. Ежедневно.

Гиббонс кивнул. Тоцци поднялся со стула и пошел к двери, ступая по дороговому бухарскому ковру винно-красного цвета.

– Да, сэр, – проронил он. – Будем держать вас в курсе.

– Непременно.

– Треснул бы ты, – проговорил Тоцци вполголоса, уже держась за ручку двери.

Гиббонс успел заметить, как Тоцци с бешеным лицом широко распахнул дверь. В последнюю минуту он подхватил тяжелую створку и притворил ее с мягким щелчком.

* * *

Гиббонс сцедил последние капли пива из бутылки в стакан. Тоцци сидел на скамейке боком и пиялся на стойку бара, рассеянно вертя по столу бутылку «Роллинг рок». У стойки сидела сногсшибательная блондинка с длинными прямыми волосами и потрясающими ногами. Она и несколько стильных подружек распивали графин «Голубой Маргариты» со льдом. Гиббонс видел, что Тоцци ее отследил, чертов ублюдок. В этом он весь.

– Ты его слушаешься? – сказал Гиббонс, не отводя взгляда от ног блондинки. – Насчет «магнума», я имею в виду.

– Нет, конечно.

– Он из тебя душу вынет, если узнает.

– Не узнает. – Тоцци сделал глоток. Взгляд его так и прилип к девчонке. Ей-богу, хорошо, что мини-юбки опять входят в моду.

– А если придется стрелять и баллистическая экспертиза обнаружит неуставную пулю? Тоцци пожал плечами.

– Как-нибудь выкручусь.

Одна из подружек подлила блондинке, расплескивая коктейль по полу. Блондинка повернулась на табурете и скрестила ноги, показывая добрый кусочек ляжки. Интересно, какой вкус у этой «Голубой Маргариты», спросил себя Гиббонс. У него было ощущение, что вряд ли он ему пришелся бы по душе. Не то удивительно, что в «Олд сод» его делают. Удивительно, что сюда ходят такие девчонки. Раньше никогда не ходили.

– Почему бы тебе не подкатиться к ней? – спросил он.

– Я об этом подумываю, – ответил Тоцци. Он, казалось, совсем ошалел. – Мне нужна женщина.

Гиббонс рассмеялся.

– А кому не нужна?

Тоцци хлебнул еще.

– Мне нужна жена.

– Что?

– То есть я не собираюсь жениться. Просто кто-то должен сыграть роль моей жены. Эта квартира в Хобокене – я ведь тебе рассказывал? У меня назначена встреча с домовладельцем. Он сдает только семейным, и я наврал агенту по недвижимости, будто я женат. К пятнице мне нужна жена.

– А-а. – Гиббонс следил, как блондинка перебирала пальцами пряди своих волос. Ногти у нее были длинные, пурпурного цвета, и в ухе три сережки. – Выкинь это из головы. Попробуй счастья с какой-нибудь из подружек. Они похожи на жен. Эта краля – нет.

– Хм-м-м... У меня такое ощущение, что она мне все равно не поверит. Подумает, будто это предлог.

– Что ж, хороший предлог.

– М-да... Но будь ты домовладельцем, сдал бы ты такой бабе квартиру?

– Если бы сам жил в том доме – еще бы, конечно, сдал.

– А я бы – нет. – Тоцци сделал еще глоток. – Не думаю.

Гиббонс заглотил все, что оставалось в стакане.

– Ну так как твои дела? Все... гм... потихоньку возвращается на свои места?

Он не знал, как спросить об этом, чтобы Тоцци не чувствовал себя пациентом психиатрической клиники. Он ведь только что выкарабкался из крайне щекотливого положения. Парень ушел на дно, это надо ведь понимать; не имел ни минуты покоя, со всех сторон его преследовали днем и ночью. Тут и свихнуться недолго.

– Да, в общем, ничего, – проговорил Тоцци. – Хотя все это довольно странно. Все мои вещи – новые. Странно, и все тут. Я, конечно, понимаю: особого выбора нет, когда все, что у тебя осталось, – это три пистолета да чемодан с грязным шмотьем.

Гиббонс почесал нос и скорчил рожу. Теперь Тоцци рассиропится, пустит слезу в пиво. Водится за ним такой грешок. Гиббонс потянулся, за второй бутылкой, встряхнул стакан и налил себе. Он обычно заказывал сразу по паре, чтобы не дожидаться официанта.

Внезапно Тоцци оторвал взгляд от блондинки и посмотрел на Гиббонса.

– Скажи-ка, как у тебя дела с Лоррейн? – спросил он таким тоном, который говорил ясно: я все знаю, и не трудись, друг, врать. – Я с ней общался вчера вечером. Она очень переживает из-за того, что ты решил выйти из отставки и вернуться на работу.

Гиббонс устремил на блондинку пристальный взгляд. Да кто он такой, этот Тоцци, поверенный Лоррейн, что ли? Небось думает, что может встретить куда его не просят только потому, что она его двоюродная сестра? Дерьмо собачье. Они с Лоррейн Бернштейн спелись задолго до того, как он вообще узнал о существовании Тоцци. Бывало, конечно, что они ссорились. Даже по-крупному. Но Тоцци пусть не сует сюда свой паршивый нос.

– Она сходит с ума потому, что ты принял, как она говорит, «одностороннее решение». Так она это видит. Ей обидно, что ты с ней даже не переговорил, перед тем как решиться.

– Мы не женаты, Тоц. – Гиббонс присосался к пиву. – Не обязан я никому ничего объяснять. Тебе тоже.

– Почему бы тебе с ней просто не поговорить? Изложил бы свою точку зрения. Она смогла бы понять... со временем.

Тут блондинка уронила сумочку и слезла с табурета, чтобы поднять ее. Она наклонилась, выставив попку. Половина мужиков в баре заторчали.

– Поговори с ней. Гиб. Только и всего. Просто поговори.

Гиббонс сверкнул глазами.

– Не суйся не в свое дело, Тоцци.

Тоцци кивнул.

– Я так и знал, что ты поймешь.

Когда Гиббонс оглянулся, блондинка уже направлялась к двери. Проклятье.

Глава 7

Неуемные языки огня вырывались из высоченных труб нефтеперерабатывающего завода и лизали черноту ночи над кварталами Элизабет и Линден. В отдалении сотни, а может быть, тысячи голых электрических лампочек обозначали скрытые в тумане решетки, над которыми дрожало пламя этих несоразмерно огромных свеч. А совсем близко рев реактивных двигателей заставлял рифленую алюминиевую дверь содрогаться под его рукой, а красные и зеленые огоньки улетающих самолетов наполняли небосвод искусственными звездами. Холодный ветер предвещал заморозки. Все это напомнило Нагаи о доме.

Он закрыл дверь склада и навесил крюк. Зеленоватые флуоресцентные лампы, всю светившие внутри, слепили глаза. Нагаи заморгал и начал пробираться сквозь лабиринт тележек, на которых кучами были навалены самые разные консервы. Фруктовый коктейль «Дель Монте», свинина с бобами «Кемпбелл», маринованные огурчики «Хайнц», кукуруза в масле «S & W», шоколадный сироп «Херши», тунец в масле «Бамблби». Так ли уж здесь безопасно, интересно знать. Он долго искал это место, был очень осторожен, но семья Антонелли контролирует весь Ист-Ньюарк, а люди Хамабути, словно тени, проникают всюду. Убежище вполне может оказаться уже раскрытым. Надо все же надеяться, что это не так. Масиро должен иметь собственное додзё.

Обходя тележку с чечевичным супом «Прогрессе», он увидел самурая, несущего два складных металлических стула в центр помещения. Нагаи остановился и стал наблюдать за Масиро, который поставил стулья рядышком, вытащил стеклянную банку – с чем, откуда было не видно, – и белую фарфоровую плошку для риса. То и другое он водрузил на один из стульев. В уголке, на сером бетонном полу Нагаи заметил белоснежный коврик и электрическую плитку около старинного, покрытого пятнами ящика для оружия из вишневого дерева. Больше никаких удобств. Таково было желание Масиро. Уединенное место для тренировок – рай японского воина. Каждое утро он собирает свои пожитки и держит их в багажнике машины, а на ночь опять раскладывает, словно разбивает лагерь. Масиро, заметил Нагаи, повесил на стену доспех своего предка, что он делал всегда, перед тем как приступить к тренировке. Так он обретал вдохновение. Нагаи смотрел, как самурай снимает башмаки и носки, и думал, что бетонный пол, должно быть, очень холодный. Масиро живет простой и целеустремленной жизнью. В каком-то смысле Нагаи ему завидовал.

Масиро заметил наконец присутствие господина, коротко поклонился ему, нагнулся за катана, лежащим на коврике, и сунул его за черный пояс, подвязанный поверх белой куртки каратиста. Затем спереди, поверх живота, прикрепил, короткий меч вакидзаси. Приготовившись, он взглянул на господина и кивнул головой.

Наган кивнул в ответ и прошел к двум складным стульям, на одном из которых стояла плошка для риса, а в ней – банка вишен в ликере. Нагаи присел на свободный стул, открыл банку и вывалил вишни в плошку. Они казались неоновыми-красными в свете флуоресцентных ламп. Нагаи сунул одну в рот, и ему немедленно захотелось виски с лимонным соком.

– Готов? – спросил Нагаи по-японски.

Самурай кивнул и на дюйм вытащил меч из ножен. Край того, что осталось от его мизинца, был покрыт темной коркой. Когда Масиро начал вытаскивать меч, металл блеснул Нагаи прямо в глаза. Это – место, где клинок соединяется с рукояткой; именно там выгравированы старинные иероглифы. «Разрезает чисто – четыре тела – в руке Ямашиты из Кинко». Нагаи знал, что Масиро сам надеялся когда-нибудь заслужить подобную надпись.

Нагаи вытащил вишню за черешок, повертел ее в пальцах и внезапно бросил в Масиро. Самурай тут же выхватил меч и раскрутил его стремительным движением. Половинка вишни упала в нескольких футах от его ног. Другая половинка улетела куда-то далеко.

– Очень хорошо, – похвалил Нагаи.

Масиро сунул катана в черные кожаные ножны.

– Дальше, пожалуйста, – сказал он по-японски. Цель его – совершенство, не похвала. Нагаи восхищался его выдержкой. Он подумал, а не рассказать ли Масиро о предложении Д'Урсо – он раздумывал над ним весь день, но так и не решил, удачный это план или нет. Интересно, что сказал бы самурай. Подчинился бы не рассуждая желаниям своего господина? Или изменил бы мнение о Нагаи, увидев, что тот способен предать?

Нагаи выбрал еще вишню, широко размахнулся и кинул. Вишня описала высокую дугу, но не долетела до самурая, тот ринулся вперед, взмахнул мечом справа налево и разрубил мишень пополам.

– Палец тебя не беспокоит? – спросил Нагаи. – Кажется, он не мешает тебе работать с мечом.

– Учусь обходиться без него, – отозвался Масиро. – Ослабевшая кисть всегда будет напоминать мне о моей ошибке.

Нагаи задумчиво кивнул. Масиро жил, соглашаясь с древними книгами. Однако должна была остаться обида. Нагаи ведь чувствовал обиду всякий раз, как Хамабути наказывал его.

– Прости меня, Масиро, но так было нужно.

Масиро недоуменно поднял глаза.

– Зачем ты просишь прощения? Таков обычай якудза. Так должно быть. Вот и все.

Нагаи щелкнул большим пальцем по вишне, как по мраморному шарiku. Она полетела прямо в лицо Масиро. Самурай занес меч над головой, затем опустил его и разрубил вишню у самого своего носа. Половинки упали к его ногам.

Масиро спрятал меч в ножны.

– Ты, кажется, расстроен этим, мой господин. Неужели ты так долго живешь в Америке, что успел уже забыть о наших обычаях?

Вертя следующую вишню в пальцах, Нагаи взглянул на самурая. Масиро его понимал. С ним можно поговорить. В конце концов, оба они изгои.

– Возможно, я и живу здесь слишком долго, – произнес наконец Нагаи. – Но жить здесь удобно. Мне здесь нравится. По многим причинам мне здесь лучше, чем дома. – Он опустил глаза на вишню, мелькающую в пальцах. – Но если мне здесь так нравится, почему я не перестаю думать о возвращении? Хочу ли я снова увидеть моих детей? Или что-то еще?

– Твое смятение – дым. Его развеют ветра. Твоя цель – вернуться в Японию, увидеть снова твоих детей и, самое главное, занять прежнее почетное место среди Фугукай. – По-японски слова Масиро звучали резко, задевали за живое. Он говорил совершенно убежденно. Хотел бы Нагаи обладать такой убежденностью относительно некоторых своих дел.

– Да... Думаю, ты прав. – Он положил вишню на язык, оборвал черешок и стал катать ее во рту.

– Но тебя волнует Рэйко, – продолжал Масиро. – Ты хотел бы взять твою женщину с собой в Японию.

Нагаи кивнул. Масиро очень хорошо его знал.

– Восстановить честь, жить в Японии с Рэйко, с моими детьми... Это было бы раем. – Все это начинало уже походить на мечты идиота.

Масиро покачал головой.

– Рая на земле не бывает. Только борьба.

– Но победа – это рай.

Масиро нахмурился и склонил голову, раздумывая над сказанным.

– Да... пожалуй, так.

Нагаи взял по вишне в каждую руку и кинул их в самурая. Тот клинком прочертил отрывистую восьмерку и поразил обе цели. Половинка вишни, разрубленной наискось, подкатилась к острым носкам черных туфель Нагаи, сделанных из кожи аллигатора.

– А ты, Масиро? Ты бы хотел вернуться в Японию?

– Если ты захочешь, я вернусь.

Нагаи усмехнулся.

– Но сам-то ты не рвешься.

Масиро покачал головой.

– Нет. Здесь мне лучше. Там, в Японии, меня ищут. Если я вернусь, опять буду в бегах, как загнанный зверь. – Он поднял глаза на доспех, что висел на стене. – Мне бы не хотелось повторить судьбу Ямаситы.

Нагаи глянул на узор старинного доспеха – крохотные тусклые пластинки меди, тесно скрепленные друг с другом темно-зелеными, коричневыми, черными кожаными ремешками. Он знал историю предка Масиро, носившего этот щит, – Ямаситы, внебрачного сына самого знаменитого самурая Японии Мусаши Миямото; так, во всяком случае, утверждал Масиро. Ведь у Мусаши вроде бы не было детей. Масиро рассказывал, что Нагаи, господин Ямаситы, был убит в бою и все его самураи волей-неволей сделались ронинами, бродячими воинами, и оказались вынуждены беспрерывно скитаться и мародерствовать, поскольку лишились своего господина. Несмотря на славу искусного фехтовальщика, Ямасита погиб как мужик, – его подло убили из мести. Ему сзади перерубили шею, пока он забавлялся с какой-то деревенской бабой. Его убийцей был ниндзя, которого нанял китаец, торговец шелком, проигравший Ямасите в кости любимую лошадь. Бесчестно убивать мужчину, когда он занимается любовью, но это, по словам Масиро, любимая тактика ниндзя. Нагаи спросил себя, не сочтет ли Масиро и его ронином, если он предаст Хамабути ради Д'Урсо. Дозволено ли самураю менять господина?

Нагаи взял еще две вишни и швырнул их в Масиро с одной и с другой стороны. Самурай выхватил оба меча, длинный и короткий, и раскинул руки, как хищная птица крылья. Он стремительно двинулся вправо, затем влево. Катана разрубил одну из вишен, но вакидзаси только задел другую плашмя, отшвырнув ее в дальний конец склада, на груды коробок. Масиро нахмурился и проворчал что-то про себя.

Нагаи положил в рот еще вишню.

– Скажи-ка мне одну вещь, – приступил он к делу. – Что ты думаешь о Д'Урсо? Только говори правду.

Масиро поднял бровь.

– Что ты имеешь в виду?

– Могу ли я доверять ему?

– Ты ведь доверял ему до сих пор.

– Так.

Масиро положил обе ладони на рукоятку длинного меча.

– Что-то беспокоит тебя. Что именно? Что сделал Д'Урсо?

Нагаи почти уже решился все рассказать, но внезапно передумал.

– Ничего особенного он не сделал. Просто иногда у меня возникает дурное предчувствие. Мне все время хочется знать, что же он думает на самом деле. На поверхности все гладко, но в глубине таится что-то скверное, особенно когда Франчоне отирается рядом. Чувствую я: что-то здесь не так.

Масиро почесал в затылке.

– Я плохо разбираюсь в чувствах. Я привык действовать. – Нагаи знал, что он скажет что-нибудь в этом роде. Много от тебя проку, голубчик.

– У меня такое впечатление, будто Д'Урсо что-то задумал, и это может повредить нашим отношениям с мафией. Такого допустить нельзя.

Масиро пожал плечами.

– Какая разница, кому продавать рабов?

– Хамабути хочет, чтобы мы работали с семьей Антонелли. Ты же знаешь: Антонелли – его старый друг, они познакомились сразу после войны.

– Война идет всегда и всюду. После какой войны?

– Той, которую мы проиграли. – Ну и умник. Интересно, твой предок так же разговаривал со своим господином? – Хамабути предупредил меня. Если наши отношения с семьей Антонелли будут нарушены, виноват буду я. Так именно он и сказал. Он потеряет на этом кучу денег. – Тут Нагаи поднял руку и растопырил пальцы, показывая Масиро два своих обрубка. – Очередного пальца ему будет маловато, если эта сделка лопнет. Я уже и так здесь в изгнании. Единственная кара, какая еще осталась...

– Смерть. – Масиро, как лошадь, закивал головой. Так на чьей же, черт побери, он стороне?

Тут самурай преклонил колени и отвесил господину поклон.

– Я не покину тебя, что бы ни случилось. Даю слово.

Нагаи устало улыбнулся. Масиро – хороший парень, и к тому же крутой. Но как ни говори, он все же только один. И смогут ли ребята из мафии Д'Урсо на самом деле оградить его, Нагаи, от мести Хамабути? Нет, если все они такие, как этот шут Франчоне.

– У Хамабути здесь много людей, чтобы присматривать за нами, – сказал он. – С нами работают шестьдесят, но я знаю, что их гораздо больше. Да и те, кто по видимости получают приказания от нас, на самом деле подчиняются Хамабути. Я это знаю. Меня окружают убийцы. – Нагаи сунул еще одну вишню в рот, но немедленно сплюнул. Какого черта он ест эту пакость?

Масиро встал и кивнул на плоску с вишнями. Он что, оглох, черт проклятый? Нагаи с отвращением захватил полную горсть вишен и швырнул их все в Масиро.

Тот выхватил оба меча. Сверкание стали скрыло его зловещим туманом. Черт, он режет не хуже мясорубки, и неоново-красные клочья разлетаются в разные стороны. Последняя вишня пришлась на короткий меч. Половинка взмыла прямо к потолку. Масиро поймал ее, подставив клинок.

– Никаких неприятностей не будет – ни с Д'Урсо, ни с Хамабути. Ты будешь счастлив. Я позабочусь об этом. Пожалуйста, не волнуйся. – Он забросил вишню с меча себе в рот, с улыбкой поклонился и принялся жевать.

Нагаи тоже выдавил улыбку. Может быть, ему удастся переметнуться и остаться в живых. Может быть, Масиро один стоит целой армии. Мусаши Миямото, судя по всему, стоил. Если Масиро сможет сохранить ему жизнь до тех пор, пока они с Д'Урсо не укрепятся окончательно, дело, возможно, выгорит. Надежда есть. Нагаи взял еще вишню из плоски и положил ее в рот. В жизни все может обернуться в лучшем.

Глава 8

Было уже почти семь часов, когда пригородный поезд из Международного торгового центра прибыл, гроыхая, на станцию Хобокен. Вагон, в котором ехал Тоцци, был битком набит. Масса портфелей из воловьей кожи, плащей от Барберри, очков в черепаховой оправе, ног, затянутых в колготки, втиснутых в белые кроссовки «Рибок», – и все это срывается с места и выходит именно на этой станции. Продвигаясь к турникету в густой толпе, Тоцци спрашивал себя, в самом ли деле Хобокен именно то, что ему нужно. Вместе со всей лавиной он поднялся наверх и пересек широкую булыжную мостовую. Оказавшись на другой стороне, он вдруг увидел свое отражение в витрине какого-то бара. Светло-серый костюм и черные итальянские мокасины казались слишком новыми, существовали как бы отдельно от него. Тоцци долго разглядывал себя и остался недоволен увиденным. Он ничем не выделялся из толпы. Возможно, это место все же как раз для него.

Он обещал даме из «Элизиан филдс риэлти», что придет в семь. Подумалось, что, возможно, следует начать присматривать себе другую квартиру: вряд ли ему сдадут ту, на Адамс-стрит, которую показывала миссис Карлсон. Нет у него ни жены, ни имущества. Тоцци прикинул, а не пойти ли в любом случае в пятницу на встречу с домовладельцем и не сказать ли ему, что супруга скоропостижно скончалась – опухоль в мозгу или что-нибудь в этом роде. Может, ему сдадут квартиру из сострадания. Но нет: это слишком глупо. Все на свете глупо донельзя.

Целый день он потратил на то, чтобы связать воедино «Фука смерти», ритуальные убийства и меч, но не получилось решительно ничего. Он уже забыл, как осточертевает целый день копаться в картотеке, прочитывать на компьютере различные варианты, часами увязывать факты со своей версией и, наконец, прийти к выводу: то, что тебе казалось блестящим озарением, на самом деле яйца выеденного не стоит. Тем глубоким разрезам на обоих телах не находилось никакого аналога в Национальном банке данных по преступлениям. Эксперты стояли на своем: разрезы нанесены одним ударом одного-единственного лезвия, а такой информации не содержалось ни в одном компьютере. Тоцци с самого начала не очень-то верил в это и до сих пор был настроен скептически. Разве такое в человеческих силах? Медики наверняка ошиблись.

Холодало. Ветер задувал все сильнее. Тоцци сунул руки в карманы, подумал было: жаль, что не надел плащ, потом вспомнил, что плаща больше нет. Нужно покупать новый, Черт. Хороший был плащ.

Шагая по Вашингтон-стрит, он заметил смешные бумажные рожицы, приклеенные к окну нарядного итальянского рестораника. Прямо за дверью, на стойке, были выставлены самые разные сорта спагетти, а рядом, за стеклом охлаждаемой витрины, виднелись замороженные соусы. У них в семье спагетти назывались макаронами, а соусы – подливами. Не очень-то нравились ему эти новомодные гастрономы, где продавали помидоры, высушенные на солнце, и белые грибы. Он любил старые забегаловки на боковых улочках, где тебе дадут большой бутерброд с копченым мясом и свежим сыром, а сверху положат сладкий красный перец, и сыр в середине будет совсем мягкий; а еще ты там сможешь поставить десятку на лошадь, если только знаешь на какую. Признаться, он любил те же места, что и крутые ребята. Только он не был крутым. Он был федералом.

«Элизиан филдс риэлти», контора по сдаче недвижимости, располагалась в соседнем квартале. Тоцци шел быстро – он замерз и безумно желал поскорее оказаться под кровом. Но тут его взгляд упал на маленькое, написанное от руки объявление, прикрепленное к двери: ХОБОКЕНСКАЯ КООПЕРАТИВНАЯ ШКОЛА САМОЗАЩИТЫ. Внизу красовалась вереница японских или китайских иероглифов. Тоцци отошел к краю тротуара и посмотрел на окна второго этажа над цветочным магазином. Все они были ярко освещены. Можно было разгля-

деть движущиеся фигуры в белых одеждах. Тоцци вдруг подумал о тех трупах в машине и о смертельных ударах по шейным позвонкам. Он оглянулся на здание «Элизиан филдс риэлти». Это может подождать. Есть дела поважнее. Тоцци распахнул дверь и поднялся по лестнице.

В маленькой, обставленной дешевой мебелью приемной никого не оказалось, и Тоцци просунул голову в зал для тренировок. Он был просторный, почти по всей длине здания; потолок облупился, но лампы сияли вовсю. Голубые маты почти сплошь устилали деревянный пол. В зале находилось около дюжины человек – большей частью мужчины, четыре женщины, примерно равное количество белых, оранжевых, голубых и коричневых поясов. Они разбились на пары и отрабатывали прием, состоявший в том, чтобы отбросить нападающего, который подкрадывается сзади и душит за шею. Учитель – сенсей, вспомнилось Тоцци, – выглядел довольно миролюбиво: у него была густая рыжевато-каштановая борода, а волосы на лбу и висках начинали редеть. Он сновал среди пар, наблюдая за учениками, иных останавливая и исправляя ошибку. Поверх белой куртки он носил какую-то странную одежду, длинную складчатую, похожую на брюки-юбку. В Квантико, готовясь к службе в ФБР, Тоцци немного учился каратэ – правда, сокращенному варианту, приспособленному исключительно для полицейских нужд. И он помнил, что там сенсей отличался от других только черным поясом. Эти брюки-юбка – явно что-то новенькое.

Наблюдая, как сенсей занимается с классом, Тоцци скоро понял, что это не каратэ, разве что речь шла о какой-нибудь потаенной, эзотерической форме. И все равно сомнительно, совсем на каратэ не похоже. Ни подскоков, ни рубящих ударов. Все двигались спокойно, размеренно. В каждой паре, отрабатывающей прием, атакующий неизменно проигрывал – обычно его клали на обе лопатки или же он летел вниз головой на голубой мат. Коричневые и некоторые из синих поясов, казалось, затрачивали минимум усилий на то, чтобы отбросить противника. Все это казалось почти невероятным. Тоцци был заинтригован. Он прислонился к дверному косяку и смотрел до тех пор, пока сенсей не скомандовал отбой. Все пары остановились, противники поклонились друг другу, затем уселись в ряд перед учителем, по-восточному поджав ноги.

Тогда сенсей вызвал самого крупного парня в классе, чернокожего, огромного, как шкаф. Он вручил амбалу деревянный меч и по-японски назвал прием, который собирался продемонстрировать. Они встали лицом к лицу, и верзила схватил меч обеими руками. Вдруг он занес меч над головой и бросился вперед, будто намереваясь разрубить сенсея пополам. Тоцци готов был поклясться, что удар придется сенсею прямо по черепу, но тот просто отступил в сторону, схватился за рукоятку меча, зажатого в огромных ручищах, качнул разок вверх и вниз – и швырнул амбала на пол вниз головой. Ну и ну! Пол в зале содрогнулся от падения. А сенсей стоял совершенно спокойно, держа в руке деревянный меч. Тоцци был потрясен. Как в кино о кунг-фу! Стоило чернокожему парню подняться на ноги, как сенсей снова вручил ему меч. Они повторяли прием снова и снова. Каждый раз верзила атаковал все с большим напором и каждый раз стучался о мат все с большей силой. Тоцци показалось даже, будто все это подстроено.

– Сёмэн ути кокю нагэ, – повторил сенсей. – Известен также как лобовой бросок. Теперь показываю с движением, – прибавил он, чуть улыбнувшись.

Сенсей кивнул своему партнеру, повернулся и бросился бежать. Черный верзила стремглав ринулся следом. Тоцци поразило то, что сенсей убегал, вместо того чтобы встретить противника лицом к лицу. Не приходилось сомневаться в том, что чернокожий амбал его догонит, учитывая, что ноги у парня были очень длинные. Сенсей, однако, бежал быстро, и верзила совсем запыхался, пока не приблизился на достаточное расстояние, чтобы нанести удар. Сенсей внезапно отпрянул в сторону. Амбал последовал за ним, но, когда оба снова оказались на середине мата, сенсей круто развернулся к нему. Меч обрушился со зловещим свистом. Сенсей отступил, схватился за рукоятку, чуть-чуть качнул – и злополучный верзила просто-таки

взвился в воздух. Тоцци заморгал. На этот раз парень стукнулся о мат по-настоящему. И поднялся не сразу. Сенсей же стоял спокойно и прямо с мечом в руке.

Когда чернокожий парень оправился, сенсей опять вручил ему меч, и они медленно повторили прием, чтобы видны были все детали. Наконец сенсей и ученик встали на колени и поклонились друг другу.

– Сёмэн ути кокю нагэ, – еще раз сказал сенсей. – Встаньте в два ряда и тренируйтесь. Без движения, пожалуйста. – Кое-кто засмеялся.

Тоцци разбирало любопытство. Он никогда не видел ничего подобного. Все казалось подстроенным, но Тоцци чувствовал, что это не так. Он остался до конца занятия.

Когда урок закончился и ученики разбрелись, Тоцци подошел к сенсею, который как раз снял свои брюки-юбку и старательно сворачивал их, разложив на мате. Процедура казалась весьма и весьма замысловатой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.